

Если б не было тебя

Автор:

Диана Машкова

Если б не было тебя

Диана Владимировна Машкова

Семейное счастье. Проза Дианы Машковой

Семья, достаток, любимая работа – все это было у Маши Молчановой. Однако покоя в душе она не находила. Какой толк от личного благополучия, если рядом так много несчастных брошенных детей, обреченных на одинокую жизнь в детском доме? Маша мечтала помочь хотя бы одному такому ребенку... Но ее терзали сомнения: вправе ли она брать на себя такую ответственность, справится ли с тяжелой ношей? Ведь и у нее самой не все благополучно: дочь-подросток не поддается контролю, с мужем случаются ссоры. Их семейный корабль хоть и не идет ко дну, но время от времени попадает в жестокие шторма... А если она не сможет сделать счастливым маленького человечка? Если и ее близким, и приемному малышу станет только хуже?

Диана Машкова

Если б не было тебя

© Машкова Д., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Предисловие автора

Восемь лет назад мы с Денисом окончили школу приемных родителей и удочерили маленькую Дашу. Дочке было всего полтора месяца. Встреча с ней перевернула в нашей жизни все. Она словно открыла занавес в реальность – в те сферы, о существовании которых раньше мы могли только догадываться. Благодаря Даше мы с мужем узнали мир таким, какой он есть, занялись помощью детям, оставив работу в крупных компаниях, стали наконец счастливыми и осознанными родителями.

Меня часто спрашивают – реальны ли события, происходящие в книге? Да. Только не все они случились именно с нами: многие собрались словно пазл из историй и опыта других людей, с которыми нас сводила судьба; из личных встреч, интервью, пройденных процедур, собранных бумаг, заполненных бланков, заседаний суда. Но чувства, переживания, мысли – все наши. Это мы сомневались в своих родительских силах. Это мы боялись усыновлять. Это мы не знали ответов на многие вопросы.

О ком эта книга? О детях без родителей и о взрослых, которые хотят им помочь. К счастью, таких людей очень много – в этом я окончательно убедилась, погрузившись в благотворительность. Мне тоже близка эта идея: если человеку удалось справиться с собственной жизнью, добиться благополучия, самое верное – начать помогать другим. Конечно, на деле приходится договориться не только с самим собой, но и с окружающим миром, в котором бытует немало стереотипов. «С ума сошли?! – слышали мы с мужем от самых близких людей, когда впервые поделились своими планами усыновить ребенка. – У вас уже есть дочка. Родите еще». Попытки объяснить, что наше желание помочь ребенку не связано с потребностью произвести на свет нового человека (конечно, одно не исключает другого), к результату не привели. И это – наглядная иллюстрация ошибочного убеждения, которое глубоко укоренилось в нашем обществе: если пара не бездетна, ей незачем усыновлять. За последние годы в сознании людей многое изменилось. Появились книги и фильмы, которые объясняют – сиротское учреждение не подходящее место для гармоничного развития детей. Каждому малышу и даже подростку нужна семья. Но людям до сих пор довольно трудно принять мысль о том, что усыновление – это способ помочь прежде всего ребенку. А не самим себе.

Хотя одно, как это ни удивительно, не исключает другого! Мы не ждали никакой награды, готовились ко многим трудностям, но вместе с маленькой Дашей в нашу жизнь пришли невероятная любовь и огромное счастье. Наша дочка – тот самый Человек, который за руку привел нас в благотворительность и по сей день продолжает во всем вдохновлять.

Теперь мы точно знаем: рождение и усыновление ребенка – это два равноправных способа пополнения семьи. Правда, очень часто усыновлению мешает еще одно распространенное предубеждение: «чужого не люблю». Откровенно говоря, и нас оно изрядно нервировало, даже пугало. Пока на практике очередной стереотип не превратился в пустой звук: малыш, с которым проводишь дни и ночи, очень быстро становится родным.

Ребенок без родителей – это всегда беда. Причем не только для отдельно взятого маленького человека, но и для общества в целом. За каждой такой судьбой стоит трагедия: потеря близких, распад семьи, крайняя бедность, тяжелая болезнь, пагубная зависимость. То, что в нашем многоликом и переменчивом мире может случиться с каждым. Если не найдется человека, который сумеет поддержать и спасти, результат всегда будет одним и тем же: одиночество и ненужность. Мы успели привыкнуть к формуле «всем невозможно помочь». Да, это так – до тех пор, пока речь идет об усилиях одного человека. Но если у каждого взрослого, который когда-либо задумывался о детях без родителей, в голове будет мысль «помогу хотя бы одному», многие проблемы удастся успешно решить.

Надеюсь, часть ответов на вопросы, которые неизбежно возникают в головах у людей, которым не безразличны судьбы детей-сирот, читатель найдет в этой книге.

За годы работы в сфере поддержки семейного устройства детей-сирот – мы первыми стали транслировать важность семьи для подростков, создали специализированную Школу приемных родителей, Клуб замещающих семей, выпустили книги «Чужие дети», «Меня зовут Гоша», «Я – Сания», «Наши дети» – на практике убедились, что помогать нужно не только детям, которые уже оказались в детских домах. Самая необходимая помощь – это поддержка семей с детьми и ранняя профилактика неблагополучия. Если молодые мамы и папы получают принятие общества, а не осуждение, знания, а не упреки, помощь, а не наказания, у них появляется больше шансов справиться даже с самыми тяжелыми жизненными ситуациями.

Сегодня мы с мужем как учредители некоммерческой организации «Азбука семьи» (www.azbukasemi.ru) видим свой вклад в том, чтобы делиться знаниями с молодыми родителями. Помогать им прийти к осознанности. И доносить до общества ключевые смыслы. Гармоничные и бережные отношения внутри семьи – это залог счастливого будущего в нашем мире.

Благодарности

Искренне благодарю всех, кто причастен к созданию этой книги. Огромное спасибо приемным родителям за тот опыт, которым я воспользовалась наряду со своим собственным. Отдельная благодарность школе приемных родителей, в которой мы учились, ее преподавателям Венере и Ирине, а также нашим многочисленным новым друзьям, которые появились благодаря общей цели. Особенно низкий поклон Сергею и Светлане, замечательным и близким нам людям, которые тоже восемь лет назад встретили и усыновили своего малыша. Глубокая благодарность мудрому человеку, большому профессионалу Ольге Аминовой, основателю и директору литературного агентства и школы «Флобериум», за многие годы радости от совместной работы, за душевность, понимание, огромный труд и неисчерпаемую веру в лучшее.

Спасибо всем, кто помогает родителям – приемным и самым обычным – на их непростом пути, не остается равнодушным и старается поддержать.

Громадное спасибо моей семье, особенно маме с папой, за любовь и принятие. И самая глубокая благодарность – моему мужу Денису. Очень скоро нашему браку исполнится 25 лет. За эти годы было много всего: я бы сказала, прошло несколько жизней. К счастью, мы научились поддерживать и понимать друг друга, сумели пойти рука об руку к общим целям. Любимому мужчине, верному другу, надежному защитнику и первому читателю посвящается эта книга.

Кто ошибётся, кто угадает,

Разное счастье нам выпадает,

Часто простое кажется вздорным,

Чёрное белым, белое чёрным.

Михаил Танич

Часть 1

Глава 1

Она визжала, в ярости выдирая на себе волосы. Сквозь рыдания пробивалось безнадежное: «Господи!» – пьяный крик отчаяния, от которого кровь стыла в жилах. Вопль мешался с тоненьким детским плачем и грохотом поезда – состав неся мимо придорожной хибары, от которой та сотрясалась точно в конвульсиях. Обезумевшая женщина, размахивая руками, опрокинула со стола полную кастрюлю, и помойная жижа, с кусками и сгустками, полились на пол. Из зловонного месива вдруг вынырнуло крохотное полупрозрачное личико. Истеричная женщина выдернула девочку из-под стола и поставила перед собой.

Ребенок кричал от ужаса. Мать крепко держала дочь за шкурку и с ненавистью отвешивала пощечины. Кровь проступила на лопнувшей губе девочки, на лбу появились алые ссадины. Нечеловеческим усилием малышка вырвалась и побежала... «Господи, зачем я тебя родила?! – слова, перекрывая грохот состава, лавиной обрушились на ребенка. – Лучше бы ты умерла-а-а».

Люба остановилась как вкопанная и зажмурилась, вздрагивая всем телом...

Растаяли титры, погас экран. Зловещую тишину в аудитории нарушало только веселое чириканье воробья, который праздновал весну за настезь раскрытым окном. Пристыженные взрослые сидели, не шелохнувшись.

– Что можете сказать о ребенке? Как поведете себя, если такая девочка придет к вам в семью?

Преподаватель задал вопрос. Ученики молчали: что ни скажи, все прозвучит фальшиво.

Маша вздрогнула, заметив, что муж поднял руку. Ее ладонь непроизвольно дернулась, но осталась лежать на месте. Она не имела права его останавливать, они оба взрослые люди.

По-военному строгий голос Олега заполнил аудиторию.

– Девочка психически больна, – докладывал обстановку капитан, – у нее ненормальные игры. Извращенные. Жалко, конечно, ребенка, но только...

Он громоздил диагнозы один на другой. Щеки жены стали пунцовыми, губы задрожали, но оратор этого не замечал. Он с упоением продолжал монолог.

Зажмурив глаза, Маша ждала, когда муж догадается сказать о главном: не было вины Любы в том, что она не знала другой жизни. Во что ей играть, как не в побои, перемешанные с болезненными приступами нежности, и не в насилие, которое выдают за материнскую любовь? Эта девочка умнее и способнее многих других, взращенных в тепле и заботе. Маша собственными глазами видела, как старательно мела она пол в своем воображаемом доме, как деловито обучала куклу по выдуманной азбуке, бережно стирала в реке намокшее под ливнем платье. Она здоровый умный ребенок! Разумнее многих, которым самые близкие взрослые, те, что обязаны защищать и любить, не наносили душевных и физических ран. Но она другая – рожденная в параллельном мире. Обычные мужчины и женщины не в силах ни изменить эту искореженную реальность, ни принять ее.

Инквизитор вынес свой приговор. Теперь Маша уже не сомневалась, пламенная речь была предназначена именно ей. Олег делал все, чтобы она одумалась. Как всякий нормальный мужчина, защищал личное пространство, частью которого была и жена – от чужой беды. Ее и так немало выпало на их долю.

– Ребенок болен, – резюмировал капитан, – ему смогут помочь только врачи.

Зашуршали, зашелестели осмелевшие голоса. Олег задал тон, и люди его подхватили. Маша отключила слух – давно научилась делать это благодаря профессии, и стала по журналистской привычке искать в своем телефоне фильм.

Ролан Быков «Я сюда больше никогда не вернусь», 1990 год. Картине больше двадцати лет. Она наделала много шума за рубежом, завоевала десятки фестивальных наград, вот только в родной стране осталась незамеченной. Даже Маша, много лет назад самонадеянно решившая стать приемной матерью, не слышала о ней ничего.

С момента съемок прошло почти четверть века, а ситуация с детьми стала лишь хуже. Маша знала статистику: за последний год в детских домах прибавилось 118 тысяч детей, на попечении государства оказалось больше 800 тысяч сирот. После войны, в 1945 году, эта цифра была много меньше. А ведь есть еще миллионы беспризорников, которые бегут из неблагополучных семей, чтобы не погибнуть от руки пьяницы – отца или матери. Никто не ведет им счет.

В фильме Быкова шестилетняя Нина Гончарова сыграла саму себя. Ни толики актерского мастерства, только правда. У Маши закружилась голова... Она читала о Нине, а в ушах набатом звучал детский лепет, в котором проскальзывали чудовищные слова. От их радостного ксилофонного звона барабанным перепонкам становилось больно.

Чтобы заглушить невыносимый голос внутри, Маша позволила внешним звукам вернуться. Ораторы добрались уже до матери Любы: она «должна была думать», «обязана была позаботиться». Будущие приемные родители незаметно для себя забыли неудобный вопрос о том, что делать, когда такая девочка Люба придет к ним в семью. Нашли убежище в излюбленном русском вопросе «кто виноват?». Но разве мать, которая сама наполовину мертва, в состоянии поддерживать жизнь в ребенке? Разве на крик женского отчаяния не найдется тут же ответ: «нарожала – воспитывай»? Принято считать, что каждая женщина обязана справиться с приплодом сама. А ведь многие, безденежные, потерявшие надежду, не в состоянии в одиночестве растить детей – у них нет на это ни физических, ни душевных сил.

Непрошенные мысли заставили Машу вздрогнуть. Она вдруг подумала о собственном, глубоко запрятанном, сходстве с экранной матерью Любы. Неважно, что свой период отчаяния она пережила много лет назад: у таких разрушительных чувств нет срока давности. В отличие от тех, кто ни разу в жизни не лежал распятым на родильном столе, она прекрасно знала, что у любой женщины есть шанс скатиться на самое дно, пока ее дети слишком малы, чтобы самостоятельно выжить. Не случайно природой устроено так, что для появления нового человека нужны именно двое. Бессмысленно отрицать

мужские и женские роли – продолжение рода требует обоих полов. А значит, проблема сиротства уходит корнями гораздо глубже очевидной чиновникам безответственности пьющих и больных матерей. Чем сильнее расшатан пресловутый институт семьи, тем чаще наши дети – с каждым годом их становится все больше и больше – остаются сиротами при живых родителях.

Аудитория опустела. Олег первым вышел на свежий воздух. Вокруг надрывались птицы, ароматы едва народившейся листвы мешались с городскими запахами: выхлопных газов, человеческого пота и горячего хлеба. Олег глубоко вздохнул, подняв к небу лицо.

– Хорошо!

– Воздуха не хватает...

– Марусь, не капризничай. – Он обнял жену за плечи. – Через полчаса будем дома. Хочешь, заедем за мясом, приготовлю шашлык?

Маша вывернулась из его объятий.

– Почему ты сказал, что на девочке надо поставить крест?

– Женский алкоголизм не лечится. – Он наморщил лоб, не желая возвращаться назад, в ненавистную аудиторию. – А, как известно, яблоко от яблони...

– Не будь ханжой! Я тебе миллион раз объясняла: лечится, как и любой другой. При условии, что кто-то будет поддерживать и любить. И по наследству не передается!

– Не убила.

– Тогда что мы с тобой здесь делаем?

– Вопрос не ко мне.

– Но мы же давно все решили. Если начали, нельзя отступать. Дети не должны...

– Закрутилось-понеслось. – Олег раздраженно закатил глаза так, что под веками устрещающе сверкнули только белки, и отвернулся.

– Нет, ты послушай! Ребенок не виноват, что его мать не справилась. Ему нужна помощь, а не клеймо.

– Ты сейчас кого пытаешься убедить? – перебил он ее нетерпеливо.

– Тебя.

– Да? А мне кажется, саму себя.

Маша ответила не сразу, за несколько секунд молчания ее запал пропал.

– Я тоже живой человек, – прошептала она, – и у меня есть сомнения.

– Так вот ты сначала с ними разберись. А потом втягивай остальных. Вторым месяц я трачу на эти бредовые занятия каждый свой выходной. Я устал. Я хочу обо всем забыть.

Олег сорвался с места и, запрыгнув в машину, резко повернул ключ зажигания. Маша едва успела забраться в салон следом за ним. Автомобиль зарычал разъяренным зверем и вылетел на дорогу, едва не столкнувшись с испуганно затормозившими «Жигулями».

Муж и жена ехали молча. Олег сосредоточенно рулил и нажимал на педали. Маша, отвернувшись от него, смотрела в окно на утопающую в первой зелени Москву. Лицо Любы все еще стояло перед глазами. Ролан Быков решил, что девочка отправится на небеса – дети не могут так жить. Но сама-то Нина никуда не исчезла. Похоронив, одного за другим, сестру (в этой, первой, смерти мать обвинила ее), брата и мать, она оказалась в детском доме, где и выросла. Как могла. Вовсе не для того, чтобы стать счастливым человеком...

Маша словно все еще видела на экране полупрозрачный наморщенный лобик Любы и ее раскосые глаза, в то время как за стеклом автомобиля проплывали вывески ресторанов. Возле каждого замерли в ожидании автомобиля с блестящими боками. Хозяева «Лексусов», «Мерседесов» и «БМВ» наполняли

субботние залы веселым гомоном и сигаретным дымом. Успешные люди отдыхали от великих трудов. Маша завидовала их заслуженной праздности: в отличие от нее самой этим хорошо одетым мужчинам и женщинам не мерещилось каждую секунду, что где-то рядом, невидимые и неслышимые в городской суете, плакали от родительских побоев маленькие Любы. Сотни тысяч Люб.

Маша закрыла глаза – слишком четко проступили сквозь лобовое стекло детские лица. Она не могла утихомирить подлое воображение: в каждой хмурой мордашке встречала серьезный младенческий взгляд собственной дочери. Кто угодно мог осуждать плохих матерей, всякий имел на это право. Но не она. Ей было слишком хорошо известно, как непросто справиться с жизнью...

Месяцы учебы в школе приемных родителей подходили к концу. Бесконечные размышления об усыновлении мешали ночами спать, но Маша до сих пор не приняла решения – только убедилась в собственной трусости. Она не справится с приемным ребенком точно так же, как не сумела стать достойной матерью своей дочери. Малыш снова изменит ее жизнь. Поставит все с ног на голову, как это сделала Дашка. К тому же другой ребенок, явившийся не из ее чрева и не от семени мужа, может оказаться человеком с характером, которого ни она, ни Олег не сумеют принять. И ничего нельзя будет с этим сделать. Темперамент определяется не воспитанием, только генами. А если к тому же он возненавидит новых родителей? Если станет испытывать их на прочность, провоцируя скандалы и даже побои? Маша знала, что так поступают все перенесшие насилие дети. Как долго они с Олегом смогут терпеть такое? Даже их Даша, ребенок, не знавший ни жизни в детдоме, ни побоев, выдает порой такие номера, что не многие родители выдержат. И они с Олегом порой срываются на позорный крик. Но как быть, если на месте провокатора окажется другой, не родной им по крови человек?

Взять малыша из детского дома, а потом, обессилив, вернуть – много хуже того, чтобы не ввязываться в это дело вообще. Никто не умрет, если они с Олегом, как большинство нормальных людей, перестанут подпускать к себе мысли о чужих детях. Есть в конце концов ответственность государства. Есть налоги, которые они платят исправно. На эти деньги и должны содержать сирот.

«Умрет, – болезненной мыслью пронеслось в голове, – еще как умрет».

Чертовы книги! Нужно было меньше читать о том, что большинство младенцев, брошенных матерями, тихо угасают, не дожив до полугодового возраста. Еда, тепло и уход в достатке здесь ни при чем – грудные дети не могут справиться с одиночеством. Ребенок делает выбор, заложенный природой: если не можешь добиться внимания взрослого, который поможет вырасти, откажись от жизни, умри. И он погибает от тоски – в роддоме, в больнице, в доме ребенка. Сколько их, ушедших, не помнит никто.

Чтобы выжить, малышу нужен свой человек. Тот, кто придет на плач, возьмет на ручки, посмотрит в глаза. Работники дома ребенка знают – стоит встретиться с младенцем взглядом, и он начинает надеяться. Ждать. Но у нянечек и медсестер есть свои дети, не могут они забрать домой и этих, чужих. А потому стараются не смотреть на тех, кто все прибывает и прибывает – непрекращающимся потоком. У отверженных два пути. Первый – лежать бревном и бессмысленно смотреть в потолок. Перестать со временем есть, отказаться спать, стать слабым и не сопротивляться инфекциям. Даже самый банальный насморк приводит маленьких смертников к избавлению от ненужности, холода и тоски. Такие дети не плачут, они понимают: к ним никто не придет.

Другая дорога ждет того, кто родился с большой волей к жизни. Он борется всеми силами. Не поддается одиночеству, тугому пеленанию, бессмысленному течению времени. Он во всем отстает от своих «домашних» сверстников – ему никогда не позволяли двигаться, не разговаривали с ним, не дарили ласк. Эти борцы за жизнь не умеют ходить к двум годам, к пяти еще не говорят, чем зарабатывают один за другим устрашающие диагнозы. Они сопротивляются смерти и успокаивают сами себя в кроватках, раскачиваясь из стороны в сторону, словно маленькие сумасшедшие. Но они верят. В жизнь и в человека, который когда-нибудь придет, чтобы забрать их ДОМОЙ.

– Приехали. Ты собираешься выходить?

От неожиданности Маша вздрогнула.

– Прости, – Олег положил горячую ладонь на острое колено жены, – не хотел тебя напугать.

Маша только сейчас заметила, что они уже у дверей.

– Ничего...

Он выключил двигатель, вылез из-за руля и обошел машину, чтобы помочь выйти жене.

– Ты хорошая, – Олег осторожно сжал узкую ладошку и вытянул Машу из машины.

– Сам знаешь, что нет.

– Пойми, всем не поможешь. Чего мы добьемся? Одного заберем. Поставим с ног на голову собственную жизнь. А там останутся сотни тысяч других.

– И что же нам делать?

Он выразительно посмотрел на нее.

– То, что должно.

– Я и пытаюсь!

– Нет. Это ошибка. Займись собственной семьей. Воспитывай Дашку. Ей нужна нормальная мать. Не уставшая, не издерганная.

– Это укор?

– Это здравый смысл! Ты уверена, что не сделаешь хуже? Дашке, мне, себе и тому, другому, ребенку?

– Не уверена...

– Тогда просто не лезь! Лучший принцип: не навреди.

Маша опустила глаза. Губы ее дрожали, но она сделала над собой усилие и не проронила ни слова. К чему им еще одна смертельная ссора? Скоро она и сама – без помощи постоянных в последнее время скандалов – сойдет с ума.

Глава 2

В тот момент он еще не знал, что его назовут Андрюшкой. Вообще ничего не знал, кроме спокойствия удобной позы и безмятежного бытия – того, что предшествует основному. Зато многое чувствовал. Ощущал каждое движение мамы и даже перемены ее настроений – как землетрясение или шторм. Хотя штормило не часто: Андрюшке везло. Мама у него оказалась тихая, сидела на одном месте, старалась не шевелиться и даже не думать. А он в это время блаженствовал – засыпал под гул голосов и покачивался с каждым плавным движением. Только изредка приятная полудрема прерывалась. Накатывала вдруг такая тоска... Мама начинала рыдать, а он бил ее изнутри кулаками, пинался. Но и в такие дни она находила, чем себя успокоить. Покупала бутылку дешевого вина, быстро хмелела, и Андрюшка забывался вместе с ней.

А теперь вот покой нарушился безвозвратно. Все вокруг всколыхнулось, закружилось и стало давить, как тиски. Мучительно. Больно. Бедная головка младенца готова была лопнуть от напряжения: как он ни сопротивлялся, а неведомые силы выталкивали ее вон. Она застревала на каждом миллиметре, казалось, еще чуть-чуть, и расплывется. Так плохо и страшно Андрюшке не было еще никогда. Помимо воли он поворачивал головку, чтобы продвинуться вперед. Сначала – вбок, словно глядя на плечо, потом – вниз, подбородок к груди. По-другому было нельзя – сверху изо всех сил подгоняли. Темечко снова уперлось, но уже во что-то мягкое. Мягкое подождало и поддалось. Андрюшка протиснулся наконец благодаря чьим-то рукам на божий свет.

Свет оказался резким и злым. Андрюшка больше не чувствовал маму. Хотел или нет, а пришлось совершить много движений сразу: расширить ноздри, поднять грудь, открыть рот. Обжигающий воздух ворвался в легкие, с силой расширив их. Он сморщился от боли и что было мочи заорал. Воздух раздирал крошечное тело изнутри. А потом перерезали пуповину.

Его обтирали, мыли, переворачивали. Смотрели, слушали, мяли. Вокруг происходило столько всего и сразу, что закружилась голова. Андрюшка заморгал и закрыл глаза, чтобы спастись. Режущий свет безжалостно бил даже сквозь веки. Больше всего на свете сейчас он хотел вернуться назад, к маме, и вместе с ней провалиться в привычный спокойный сон.

Не тут-то было. Пугающие звуки валились со всех сторон. Крики людей, лязганье инструментов, хлопанье дверей, топот ног. Он поневоле открыл глаза. Прямо над ним замерли две расплывчатые фигуры в белом.

– И как? – пожилая медсестра с любопытством разглядывала ребенка.

– Девять баллов. Отлично. – Молодая врач-педиатр закончила оценку по шкале Апгар.

– Надо ж! – медсестра возмутилась. – Отчего таким никчемным мамашам достаются такие хорошие детки?!

– Тише вы, тетя Надя, – оборвала педиатр, – роженица услышит!

– А мне-то что? – старуха воинственно огрызнулась. – Где справедливость? Танька моя с Егором сколько лет мучаются. Оба при высшем образовании. И обследовались, и готовились, а никак. Выкидыш за выкидышем. И ЭКО не помогает. Четыре года подряд!

– Пусть усыновят, – спокойно посоветовала врач.

– Типун вам на язык, Василиса Петровна! Кто ж знает, какие там гены?!

– На вас никак не угодишь...

– А я вот и размышляю. Есть Бог или нет? Зачем пьяницам да наркоманкам каждый год рожать? Эта Катька пятый раз у нас, и еще – окаянная – придет.

– Наверное, Бог дает им детей, чтобы одумались.

– А-а-а, – тетя Надя бросила на родильный стол презрительный взгляд, – такие одумаются! Мне вот дитя жалко, и только.

Андрюшка слушал голоса то морщась, то щурясь, а потом провалился в полуобморок-полусон. Старая Надя пожалела его: взяла и без спросу положила к матери на живот. Только тогда долгожданное спокойствие к ребенку вернулось.

Стало уютно, тепло – так, как нужно. Он уснул глубоким и безмятежным сном. А роженица даже не взглянула на малыша: нахмурила брови и закрыла глаза.

– Посмотри хоть разок, – не выдержала медсестра, – пацан хоть куда!

– Мне все равно.

– И этого, что ли, не заберешь?

– Некуда.

Надя специально тянула время. Думала, может, Катерина сменит наконец гнев на милость. Но та и пальцем не дотронулась до малыша. Пришлось унести его в детское отделение, уложить в прозрачный бокс. Согретый маминым теплом, ребенок крепко спал.

Пробуждение напугало Андрюшку. Он ощутил холод, гнетущую пустоту и тут же закричал. Надрывался как мог, пытаясь позвать на помощь, плакал, спасаясь от мокрых ледяных пеленок, сковавших ножки. Никто к нему не пришел. Целую вечность он орал один, до хрипоты. И только когда к его голосу присоединились все разбуженные младенцы в боксах, явилась медсестра.

Настырная Надя, несмотря на протесты уже вполне оклемавшейся после родов Катерины, притащила Андрюшку к матери и велела кормить.

– Не буду, – женщина смотрела в стену.

– Как так? Пусть подышает?!

– Дайте смесь.

– Ты меня будешь учить?! Родила – значит, корми!

Катя скрестила на груди руки и посмотрела на настырную тетку исподлобья.

– Нет у меня молока.

От давления груди проснулись: белая жидкость намочила халат и даже прижатые к нему руки.

– Кормить станешь, придет!

– Идите уже! Не буду!

Старуха обозленно положила сверток с ребенком рядом с неразумной мамашей и вышла за дверь. Палата в изумлении наблюдала за разыгравшимся спектаклем. Ждали, когда мать наконец одумается и возьмет на руки дитя. Но Катя к нему даже не прикоснулась.

Андрюшка, оказавшись рядом с мамой, почувствовал ее аромат: молочный и пряный. Он закричал, задвигал головкой и стал ловить воздух губами.

– Тебя же ищет! – упрекнула Катю соседка.

– Пусть.

– Мальчик?

– Да.

– Давай себе заберу! – как маленькую, припугнула она Андрюшину мать. – У меня девочка родилась. Вдвоем веселее.

– Бери, – Катя пожала плечами.

– Ну, ты вообще, – обиделась женщина, – с тобой как с человеком...

Не ответив, мать Андрюшки плотнее запахнула халат и стремительно вышла в ванную комнату.

Она почти бежала по знакомому коридору. Торопилась как на пожар.

– Мамочка, вы куда? – молодой медбрат в голубом костюме возник у нее на пути.

– В ординаторскую.

– Дорогу показать?

– Сама знаю.

Она свернула направо и прошла мимо предродовых палат, удивляясь собственному самочувствию. Пятые роды оказались легкими – пятнадцать минут на столе, и все. Осталась только неприятная слабость, но это ее не беспокоило. Пройдет. Чепуха. В первый раз, помнится, промучилась больше суток. Схватки то возникали, то замирали, стимулировать никто не думал. Кесарево делать – и подавно. Для этого врачам надо было заплатить, а у нее, обычной заключенной из женской колонии, не было ничего. Ей казалось тогда, они с малышкой обе умрут. Девочка от недостатка кислорода, а она от невыносимой и бесконечной боли. Нет, выжили. Только что толку? Все равно ребенка у нее тут же забрали, перевели в дом малютки при колонии, а самой дали чуть-чуть отлежаться и тут же в камеру. А она до сих пор не забыла чудесную белокурую девочку с вьющимися, как у деда, волосами. Даже странно, что малышка совсем не была похожа на своего отца – чернобрового красавца. Предателя.

Жгучее желание выпить вернулось так неожиданно, что она на мгновение замерла, сглатывая слюну. Скорее бы выйти отсюда.

– Можно? – постучавшись, Катя приоткрыла дверь и просунула голову в ординаторскую.

– Входите.

Женщина аккуратно протиснулась внутрь и огляделась. Из старых врачей, которые знали ее как облупленную, не было никого. За дальним столом сидела только новенькая, та самая девушка-педиатр, которая осматривала после родов ее ребенка.

– Мне нужно заявления написать. – Катька без предисловий перешла сразу к делу.

– Какие? – Василиса Петровна смотрела на родильницу с любопытством.

– Выписка под мою ответственность и отказ от ребенка.

Глаза педиатра расширились, она испуганно взглянула на дверь, словно надеясь, что кто-нибудь из коллег войдет и избавит ее от неожиданной беды.

– Присядьте. – Она встала и выдвинула для Кати стул. Сама села напротив. – Не нужно торопиться. У вас послеродовой шок. Это пройдет.

Катя усмехнулась:

– У меня пятый раз послеродовой шок. Я привыкла. Ребенка не заберу, не надейтесь. Не планировала его заводить.

– Как же так?! Если не собирались, зачем рожать?

– А, по-вашему, лучше было убить? Знаю я, как вы, «порядочные женщины», проблемы решаете – чуть что – на аборт. И шито-крыто.

– Почему же аборт? – Василиса Петровна покраснела, вспомнив четвертый курс мединститута. – Есть же противозачаточные средства, презервативы...

– И сколько эти ваши таблетки стоят?! – Катька зло посмотрела на докторшу. – Я столько не получаю.

– Но на водку-то вам хватает. – Василиса Петровна разозлилась на себя за неприятные воспоминания: надо забыть ошибку, не было у нее другого выхода, и точка. – Можно не пить!

– Можно и не жить, – парировала Катька.

– Презервативы, в конце концов! Стоят копейки.

– Вы как это себе представляете? – Катька обнажила в улыбке редкие, полусгнившие зубы. – Попробуй напялить его, если мужик не хочет.

– Господи! Выбирайте нормальных мужчин.

– Да кто ж их выбирает, – родильница пожала плечами, – попадется какой, и ладно. Выпьешь, пригреешься, можно жить дальше. А так хоть в петлю.

Она замолчала, выжидающе глядя на назойливую врачиху, которая теперь ловила ртом воздух, не зная, что сказать. А нечего так настырно лезть не в свое дело! Нашла кого лечить. Раньше надо было об этом думать. Когда Кате нужна была помощь, где все они были? С ребенком под сердцем осудили за кражу. Она только потом, отсидев, поняла, что Рустам сам это все организовал. Намеренно в тот раз сделал так, чтобы их засекли, а вина оказалась на ней – избавиться хотел. Не собирался жениться, не планировал заводить детей: попользовался девчонкой и выбросил вон, как мусор, как только стала не нужна. «Ты беременная, – убеждал он, – тебя пожалеют и выпустят. Подумаешь, жратвы ukrала из магазина!» Не пожалели. Впаяли по полной – устроили показательную порку, чтобы другим неповадно было. Два года отсидела в женской колонии по 158-й статье. Вышла, хотела забрать дочку и вернуться по законному адресу, но ребенок каким-то чудом из дома малютки пропал. Ей сказали, что усыновили. При живой-то матери! А может, пожалели, соврали: слабенькая уж очень малышка была... Катя долго бегала по инстанциям, пока не поняла, что все шито-крыто. Концы в воду. Ее уже запомнили повсюду, не пускали даже на порог дома ребенка и органов опеки.

Рустам тем временем бесследно пропал. Съехал с прежней квартиры, где они жили вместе с его родителями. Катька сунулась было к родной матери, но та, алкоголичка, даже на порог пустить не захотела. Ну, а дальше пошло-поехало: случайные заработки, случайные собутыльники, они же сожители. Еще раз родила. Снова девочку. Хорошо, папаша не отказался ни от нее, ни от ребенка: устроились втроем в его коммуналке. Родили еще одного. На этот раз оказался пацан. И жили вроде нормально. Ну, пили. А кто от собачьей жизни не пьет? Денег-то ни на что не хватало. Зато в отличие от собственной матери Катька своих детей пальцем не трогала. Сашка, отец, наказывал их, конечно, но в меру – только если очень уж доставали. Но соседи, похоже, настучали в милицию. Детей у них отобрали, а Катьку – теперь уже официально – лишили родительских прав. Долго после этого они с Сашкой не протянули, и она снова оказалась на улице. А там один, второй, двадцать пятый. От кого рожала четвертого ребенка, Катя уже и вообразить себе не могла. И дальше по накатанной...

Она смотрела поверх аккуратно зализанной макушки врачихи и ждала, когда та наконец образумится и выдаст ей бланк. Какой толк время терять? Но вместо

этого наивная Василиса Петровна снова начала что-то бормотать – о материнских чувствах, о долге, об ответственности. Достала! Сразу видно, зеленая совсем, не привыкла к профессии. В их инфекционном роддоме отказников пруд пруди! Каждую неделю привозят пачками таких же баб, как Катька, – без анализов, не наблюдавшихся, рожаящих невесть от кого. Им бы скинуть и назад – в свой личный ад. Все равно такие мамыши детей никогда не заберут, как ни уговаривай. Им самим негде жить и нечего есть. Куда сунешься с приплодом? Себе на хлеб и то заработать не сможешь. Не говоря уж о том, чтобы пристроиться к какому-нибудь мужику с жилплощадью под теплый бок.

К несказанному облегчению Кати, дверь наконец открылась и в ординаторскую вошел заведующий отделением Николай Николаевич. Крепкий такой, видный мужчина. С большими надежными руками, покрытыми жесткими волосами. Однажды Катьке повезло, попала в его дежурство – сама не поняла, как родила под чутким контролем. Раз-два, и готово. Он только ласково приговаривал: «Давай, Катюха! Трудись, родная». Хороший человек.

– А-а, уже здесь? – Николай Николаевич бросил на родильницу усталый взгляд. – Василиса, кончай с ней церемониться. Бесполезно. Там еще двое ребят появятся с минуты на минуту. Будь другом, сходи, посмотри.

– Но как же с женщиной быть?

– Выдай бланки, пусть пишет, что хочет. На имя главного врача, – напомнил Николай Николаевич, уже обращаясь к Кате.

– Знаю. – Она торопливо кивнула.

– Причину отказа укажи.

– Я помню. Нет возможности содержать материально. Усыновление разрешаю.

– Вот видишь, Василиса Петровна. – Заведующий отделением упал в свое кресло и прикрыл глаза. – Мамаша у нас грамотная.

Молодая врач торопливо вышла за дверь. А Катька, высунув язык, аккуратно, школьным круглым почерком, выводила красивые буквы. Старалась не наделать

ошибок – не хотелось позориться.

– Ребенка-то как назовешь? – протянул Николай Николаевич, не открывая глаз.

– Другие пусть называют.

– Все равно первое свидетельство мы будем оформлять.

– Мне-то что...

– Ладно, – Николай Николаевич оживился, сел ровнее и несколько секунд задумчиво смотрел в потолок, – пусть будет Андреем! Хорошее имя. Мужественное.

Катька только недовольно повела плечом, словно не желала ничего слышать. И продолжала корпеть над буквами.

– Тебе самой-то сколько лет? – спросил вдруг Николай Николаевич ни с того ни с сего.

Катька на мгновение задумалась. Она время от времени забывала свой возраст: иногда казалась себе столетней старухой, а иногда – подростком.

– Двадцать пять.

– Как и моей дочери. Ужас... И что, некому было помочь? Ни родственников, ни друзей?

– Нет.

– Сколько пытаюсь добиться, – он тяжело вздохнул, – чтобы построили центры помощи неимущим матерям с детьми. Не понимают.

– Что за центры? – спросила Катька из вежливости, чтобы не обижать хорошего человека.

– Дома, в которых можно бесплатно жить. Общими усилиями воспитывать детей. И учиться, получать профессию. Это же выгоднее, чем содержать детские учреждения! Женщины постепенно смогут сами себя обеспечивать. И будут рядом с родными детьми.

– Не знаю, – Катя удивленно посмотрела на седого мечтателя, – я бы в такой дом не пошла.

– Почему?

– Не верю нашему государству, – она прищурилась. – Если бы нужны ему были матери с детьми, беременных женщин не сажали бы в тюрьму из-за еды. Разворуют ваш центр! Пропьют. А мамаш и детей продадут на органы.

– Катя, что ты несешь?!

– Это вы тут несете, жизни не знаете! – Она разозлилась, позволила себе прикрикнуть.

Он ничего не ответил. Обиделся.

Катя молча встала и передала ему в руки два листа. Николай Николаевич пробежал глазами по ровным строчкам с круглыми боками, отложил документы на свой стол и сквозь прищур посмотрел на некрасивую молодую женщину с маленькими глазками и опухшим лицом. На вид ей можно было дать лет пятьдесят.

– Катерина, вы же потом жалеть будете, – неожиданно перешел он на «вы».

Она только пожала в ответ плечами и тихо вышла за дверь.

Все равно, что будет потом. Сейчас нужно быстрее уйти, не видеть ребенка, не думать о нем. Дай бог, чтобы ему попались хорошие родители. Новорожденных да здоровеньких усыновляют быстро. Все сложится. А ей тут не место – нигде не место. Да и нет больше сил. Выпить хочется так, что нутро горит.

– Зачем вам это нужно?

«Пятнадцатая», – про себя отметила Маша. Когда бы ни заходила речь об усыновлении – во время бесед в опеке, в разговоре с близкими родственниками, – все, как один, задавали этот вопрос.

Она успела пожалеть о том, что сболтнула лишнего во время интервью с психологом. Теперь, когда программа выйдет в эфир, в полку задающих вопросы прибудет стократ. И кто только просил ее сознаваться в том, что она учится в школе приемных родителей? Маша бросила взгляд на пульт, убедилась, что запись закончена, и сняла с головы наушники. Нужно будет попросить ребят вырезать и уничтожить этот фрагмент, пока не поздно.

– У нас с мужем есть возможность, – объяснила она и тут же устыдилась того, что оправдывается перед гостьей.

Даже самой себе Маша, как ни пыталась, не сумела пока ответить на этот вопрос. Знала, что прекрасно доживет остаток своих дней и без оравы детей: будет работать, путешествовать, тратиться на приятные мелочи, наслаждаться жизнью, в конце концов. Дело было не в ее горячем желании «завести ребенка». Она поморщилась от нелепого сочетания слов: и кто только выдумал выражаться так, словно в семье появляется не личность, а котенок или щенок. Ей банально не давали покоя мысли о детях. Планируя день, она мысленно отмечала, как много теперь в ее графике не занятого работой времени: много лет упорно добивалась этой свободы, чтобы проводить больше времени с Дашей. А девочка тем временем выросла, ей больше не нужна мама каждую минуту. Гуляя с мужем по разноцветной детской площадке, на которой красовались хитроумные горки, лесенки, лабиринты и миниатюрные замки для малышни, она думала о том, как здорово здесь играть. Убираясь в доме, мысленно превращала гостевую комнату в детскую и представляла себя за чтением детских книг – Драгунского, Носова, Успенского. Дашка давно собрала все это богатство и запрятала на антресоли книжного шкафа. Ей казалось, переросла. А Маше так хотелось посмеяться над историями своего детства вместе с ребенком. Забывая продуктами кладовую после очередной поездки в магазин, размышляла, скольких еще детей они смогли бы прокормить. Выходило, что двоих точно, без особых усилий...

Но ведь недостаточно для усыновления только этого желания поделиться? Острой потребности помочь маленькому человеку? Должно быть, наверное, что-то большее: неукротимый материнский инстинкт, горячее желание обладать. Как ни старалась Маша, нащупать подобной страсти в себе не могла. Не было у нее иллюзий обязательного и моментального счастья с появлением малыша – слишком хорошо знала о том, как непросто растить детей.

– Не понимаю. – Дама вскинула брови.

– Нам бы хотелось кому-то помочь... Поделиться тем, что имеем.

Маша разозлилась на себя: неубедительно прозвучало. Глупо. Могла бы со своим почти пятнадцатилетним радийным опытом и не допускать таких осечек.

– Не возражаете, я скажу свое мнение? – высокомерно перебила профессорша. – Не для эфира.

– Конечно, – уже предчувствуя продолжение, Маша внутренне напряглась.

– Теория малых дел – вот великая сила! Вы лучше позвольте своему ребенку вырасти так, как нужно. Облагодетельствуйте своих. А в желании взять на себя чужую ответственность нет ничего хорошего.

Маша почувствовала, как щеки ее стали пунцовыми: в том же самом, разве что другими словами, убеждал ее собственный муж. Она опустила глаза. Профессорша продолжала смотреть на собеседницу с интересом, ожидая продолжения профессионально увлекшей ее беседы.

– Когда рождаешь, берешь на себя ту же ответственность. – Маша спокойно, но твердо возразила.

– Нет, это другое! – Разговор все больше распалял гостью. – Я вижу многих детей, которых взяли, и вижу, как это происходит. Больно потом и родителям, и ребенку.

– Что, возвращают в детские дома?

– Не обязательно возвращают. – Психолог вздохнула. – Просто не возникает контакта. Не совпадают люди по характерам, по типам, по многим качествам.

– А со своим всегда совпадают? – Маша усмехнулась: в памяти возникла череда ссор и скандалов с Дашкой.

– Родные дети – это другое дело, – изрекла профессорша, не вдаваясь в подробности. – Но взять ребенка из детского дома... Желание облагодетельствовать весь мир грозит ущербом своей семье.

Маша долго молчала. Гостья застыла в позе победительницы.

– Но ведь кто-то должен усыновлять? – отведя взгляд, спросила Маша.

– Есть специальные семьи, – отмахнулась гостья, – родители с педагогическим и медицинским образованием получают деньги за воспитание сирот. Отличная идея. Разновозрастный коллектив из шести-семи детей.

– Таких семей слишком мало.

– Может, и так, – психолог пожала плечами, – но к воспитанию нужно подходить осознанно. Профессионально. А у нас чаще всего и своих-то не умеют принять. Не то что чужих.

– Почему? – Маша замерла.

– Не любят! Не понимают. Вы знаете, с каким лицом матери смотрят на своих плачущих младенцев? В них столько раздражения, злобы! А ребенок в возрасте двух-трех месяцев уже прекрасно считывает выражение лица взрослого человека. У нас принято считать, что, мол, «он еще ничего не понимает». Зато чувствует даже слишком остро.

– Но ведь если женщина одна, с младенцем на руках, без возможности заработать и выжить, она не может улыбаться. Ей самой...

– А для матерей у меня оправданий нет! – не позволив договорить, профессорша включила менторский тон. – Ответственность за ребенка должна быть всегда.

Начиная с первого мгновения отношений с женщиной. Если этого нет, нужно научиться пользоваться презервативами.

Праведный гнев добродетельной женщины не оставлял сомнений: жизнь ее баловала. Не было в судьбе ни беззащитного одиночества, ни крайней бедности, ни врачебных ошибок. Маша жалела несчастных младенцев до слез, до сердцебиения, но сочувствия к брошенным и отчаявшимся матерям это не умаляло.

– Понятно...

– За свои поступки, за свою жизнь, за своего ребенка винить можно только себя! Это выбор взрослого человека, – не унималась гостья.

– Жизнь многолика. Я бы не стала судить.

Маша быстро поднялась, давая понять, что беседа окончена. Гостья взглянула на большие электронные часы в студии и обиженно встала с места.

– Уже четыре. Мне давно пора.

– Вас проводить?

– Я помню дорогу. – Психолог на несколько секунд задержала на Маше прищуренный взгляд и все же не удержалась: – Не надо вам усыновлять. Эти дети не оправдывают ожиданий родителей. Они не обязаны вас любить.

– А мы ничего не ждем, – Маша смотрела пожилой женщине прямо в глаза. – Просто есть желание помочь человеку выжить. И все.

– Тогда это опека, – профессорша обрадовалась возможности зафиксировать наконец «ничью», – если вас устроит просто дать путевку в жизнь. В семье, конечно, больше возможностей. Только, бога ради, не настраивайтесь на то, что он станет родным.

– Спасибо за совет.

– Будут вопросы, звоните.

– Конечно.

Они церемонно распрощались и дали друг другу обещание «оставаться на связи». Еще одна глупая и ничего не значащая формула новой речи. Маша твердо знала, что профессорше она больше не позвонит. Ей до смерти надоели пустопорожние рассуждения. Если бы эта дама вырастила хотя бы одного усыновленного ребенка, ее можно было бы выслушать, а мудрый совет – принять. В противном случае она, Маша, предпочитала роль неверующего Фомы. Когда ей в следующий раз понадобится комментарий психолога, попросит редактора пригласить кого-нибудь другого: желающих оказаться в эфире солидной радиостанции пруд пруди. А с этой дамой она не желала больше говорить как минимум до тех пор, пока у нее не появятся жизненные опровержения или подтверждения сказанных ею слов.

Маша заглянула в комнату к редакторам: продемонстрировать трудовое присутствие, перекинуться парой слов, а заодно сочинить вступительную часть к интервью. Она болтала, смеялась, шутила, но в голове все еще звучала фраза «Вы лучше позвольте своему ребенку вырасти так, как нужно». Вернулась в студию, записала подводки к программе и попросила при монтаже удалить все, что касалось детей-сирот. Ребятам можно довериться: сделают как нужно и не станут болтать лишнего. Потом спустилась в буфет выпить кофе.

В глубине души Маша знала, что профессорша права: нельзя ей никого усыновлять. Она не сумела как следует воспитать собственную дочь, а значит, попросту не имеет морального права на приемных детей. До сих пор Маша не могла отделаться от чувства вины перед Дашей за многие ошибки своей юности. И главная из них заключалась в том, что не мечтала она о дочери, не ждала малыша. Занятия в школе приемных родителей только подтвердили худшие опасения: мысли и чувства матери во время беременности и во время родов материальны – от них зависит не только характер, но и будущее ребенка. Совсем не так, как случилось это в ее жизни, дети должны появляться на свет.

Время от времени Маше казалось, что решение кого-то усыновить – это желание искупить ту давнюю вину перед Дашей. Но она тут же отбрасывала глупые мысли: дочь ни при чем! Ни размышлять, ни поступать так нельзя. Не должен ребенок играть роль лекарства для больной души: важно сначала излечиться самой, а потом уже втягивать в семью беззащитных детей.

Да и нужно ли это ей? Дашка принесла с собой такой разнообразный жизненный опыт, что его хватило бы на нескольких матерей. Все в жизни Марии Молчановой случилось: и родительские радости, и материнские слезы. Разве что с годами потерялось чувство осмысленности. Пока приходилось бороться за любимого человека, за место в этом мире и за саму жизнь, было не до мыслей о чужих бедах. А потом наметилась предательская стабильность – время смирения и покоя. Она уже не стала актрисой, как мечтала, и этого нельзя было изменить. Зато сделала выбор в пользу другой профессии. Перепахав все мыслимые нивы вещания в юности – от сводок новостей до рекламы, – Маша наслаждалась теперь тем, что нравилось ей больше всего: брала интервью у людей, которые были интересны радиостанции по определению или в свете важных событий. Она давно прекратила погоню за деньгами – насущные бытовые проблемы они с Олегом решили, а сходить с ума по тряпкам, менять каждые пару лет машину или бредить каким-нибудь домиком в Альпах ей было скучно. Жизнь в достатке необходима – она это знала, пройдя через унижительную нищету, – но бесконечное стремление к деньгам приводит к рабству: человек перестает принадлежать самому себе. Слишком часто Маша находила тому подтверждение в беседах с успешными и баснословно богатыми людьми – президентами, собственниками, инвесторами, чьи фамилии украшали список Forbes. Сама она высоко ценила свободу и не собиралась забивать голову тем, как заработать, а потом потратить очередной миллион. В профессии достигла своего идеала – делала только то, что любила, выкладывалась максимально и получала за эту работу столько, сколько было нужно, чтобы спокойно спать по ночам.

Именно вместе с этим состоянием стабильности и пришло желание кому-то помочь. Первая мысль – деньгами и собственным временем. Маша изучила несколько сайтов благотворительных организаций, которые работали с детьми-сиротами, написала в оргкомитеты, предложив себя в качестве волонтера. Ответа не было. Тишина.

Стала обращаться напрямую к директорам детских домов. В одном попросили купить фотоаппарат, в другом заказали цветы к празднику, в третьем был нужен автобус. Маша долго ломала голову, как реализовать эту идею с теми деньгами, которые у нее были, искала подержанные машины в хорошем состоянии, но при всем желании нужной суммы не набралось. В итоге договорились, что деньги, сколько есть, она переведет на счет приюта – брать наличными категорически запрещалось, – а директор самостоятельно решит вопрос. Долго и нудно выпрашивала номер счета. Десять раз дополнительно звонила, чтобы получить необходимые реквизиты. Наконец, устав и

измучившись, отправила перевод через банк. Позвонила через три дня в детский дом, ей ответили, что деньги не поступали. То же самое услышала через неделю, через две, через месяц... Походы в банк и выяснение обстоятельств результата не принесли: сотрудники вежливо отвечали, что деньги были успешно переведены на указанный счет. Все, как она хотела. Чей это был счет и во что превратились в результате ее накопления, Маша так и не узнала.

Олегу о своих приключениях она решила не говорить – представляла себе его реакцию. И, конечно, он был бы прав.

Но для себя за время походов по детским домам сделала вывод: деньгами ничего не решить. Многие московские директора показывали ей шкафы и кладовые, забитые под потолок игрушками и одеждой от спонсоров. Люди несли и несли. Часто не то, что было нужно. А как-то раз, плутая по коридорам в поисках кабинета администрации, Маша столкнулась с детьми. Ребята, лет восьми-десяти, профессионально быстро отсканировали новое лицо. И разочарованно отвернулись, моментально утратив интерес. Каким-то чудом они за долю секунды поняли, что эта женщина пришла не с тем, что им было нужно. Она услышала за спиной презрительное «спо-о-онсор» и вздрогнула. Ей вдруг стало стыдно. Только тогда и поняла, чего именно ждут эти дети. Ни книгами, ни тетрадями, ни игрушками, ни фотоаппаратами нельзя было избавить их от гнетущего чувства одиночества, пустоты и ненужности в мире взрослых, которые наивно и безразлично решили, что все проблемы можно компенсировать их любимым способом – деньгами.

Тогда Маша и поняла то, о чем догадывалась с детства: единственная возможность помочь – это дать другую жизнь. Не может ребенок вырасти вне семьи. Не станет он человеком, способным устроить собственную судьбу, если рядом не будет любящих близких людей. Понятно, что с детдомовскими детьми никогда и никому не бывает легко – слишком много врожденных и приобретенных болезней, глубоких психологических травм. Долгие годы она боялась, что не справится. Считала непозволительным нарушить главный принцип жизни человека в обществе, о котором и говорил Олег, – «не навреди».

Маша никогда не говорила о себе, что она хорошая мать. Скорее наоборот. Ее собственная дочь даже появилась на свет так же, как большинство детдомовских детей – вовсе не по горячему желанию молодых родителей. Так случилось, и все. И были сомнения, было отчаяние... Если начистоту, все Дашкины подростковые выверты, начитавшись задним числом умных книг, Маша

списывала теперь на тяжелый пубертатный период и собственные ошибки. Бесконечно много их было сделано в юности, пока дочка была младенцем. Вместо того чтобы постоянно носить малышку на руках, угукать с ней, читать книги вслух, петь забавные песенки, Машка хотела чего-то добиться в жизни. Она не до конца приняла на себя роль матери. Тогда, конечно, казалось, что делается великое дело, приобретается новая профессия взамен утраченной. Мысли – мыльные пузыри.

Лучше бы она составила список сказок, которые нужно прочесть дочери, собрала коллекцию музыки, чтобы с ней вместе слушать, сама научила ее всему, что нужно в жизни – от мытья посуды до умения получать информацию, – и позволяла малышке быть рядом с ней столько, сколько нужно. Но она полагала, что ребенку нужна «свобода», не стоит перегружать маленького человека влиянием мамы. А что, если это всего лишь родительский эгоизм, нежелание возиться с малышом и выполнять дополнительную работу? Надо было все делать вместе, подсказывать, направлять. Лет до пяти малышу все интересно, он не знает лени. Теперь уже поздно и даже бессмысленно ругать Дашку за то, что у нее хронически не заправлена постель («все равно вечером снова ложиться»), что комната вверх дном («не нравится, не заходи»), что учеба непонятна и неинтересна. Ее ребенок не научился трудиться. Она, Маша, не научила.

Разве таким женщинам доверяют детей? Разве не из страха не соответствовать она так и не смогла решиться на рождение второго, третьего малыша?

И она сомневалась не только в себе. Для Олега Дашкино детство и вовсе прошло незаметно. Он безропотно помогал молодой жене – делал все, о чем она его просила. Приятельницы, которым куда меньше повезло со «второй половиной», не раз объясняли Машке, что ее супруг – идеал. Но лишнему часу общения с ребенком он всегда предпочитал компьютер или книгу. Неудивительно, что теперь, когда Даша выросла, картина стала зеркальной: несмотря на желание матери и отца проводить больше времени с дочерью, она не нуждалась в их обществе. А требовать от подростка внимания и общения было бесполезно – все это нужно ребенку, пока он растет. Их время прошло.

Аннушка появилась на свет теплым весенним днем. Распахнула глазки, покричала, как полагается, и тут же уснула. В роддоме ее так и прозвали – Соней. Малышка получилась хорошенькая: светленькая, с вьющимися волосиками и любопытными глазами-пуговками. Только Аннушка редко их открывала, все больше спала. За это няньки ее и любили.

Девочка без труда освоилась в новом мире. Узнавала мамин запах среди многих других и тут же начинала крутить головкой в поисках молока. Нежное тело, теплые руки, мягкая грудь – все было рядом. Аннушка сосала изо всех сил, а когда наедалась, продолжала лежать у мамы на руках в сладкой полудреме. Мама ей улыбалась. Прижимала к себе и укачивала. Обе были счастливые и засыпали вместе, посапывая. Но тут обязательно прибегала какая-нибудь нянька, кричала: «Нарушаете технику безопасности! Положите ребенка в бокс!» Мама никогда не злилась, виновато просила прощения, переодевала Аннушку в сухую пеленку и перекладывала в кроватку.

Но настало утро, когда все в жизни Аннушки изменилось. Сначала ее забрали у мамы. Замотали так туго, что нельзя было даже дышать, завернули в одеяльце и понесли по белым извилистым коридорам. Девочка кричала что было сил.

– Вас на машине встречают? – звонкий голосок весело полетел к потолку.

Мама стыдливо опустила голову – новенькая медсестра, ничего не знает. Надо же, никто не рассказал.

– Ну что вы! Мы так...

Услышав мамин голос, Аннушка тут же успокоилась.

– Опаздывает папаша?

– У бати нашего характер такой. – Мамаша, приняв дочку из рук удивленной медсестры, попятилась к двери. – Спасибо! Мы пойдем.

– Но как же... – девушка забеспокоилась, – так неправильно.

– Ничего, ничего. На улице подождем!

Выпустили их на волю. А там солнце, трава. Аннушке на лицо упал первый луч, и она зажмурилась. Завертела головкой.

– Что ж ты прячешься, – мама тихонько засмеялась, – смотри, как красиво.

Она приподняла дочку, показывая деревья, дома. Покрутилась с ней.

– В городе хорошо, – мечтательно вздохнула, – и братики твои где-то здесь. Ходят, наверное, в детский сад.

Она вдруг запнулась и замолчала. Воровато оглянувшись, побрела с Аннушкой от роддома и вышла из ворот. Медсестра, приоткрыв дверь, печально смотрела ей вслед. Конечно, все по-своему поняла: нет никакого мужа. Жалко ей стало Аннушку-Соню, маленького ангелочка. Что там ждет ее впереди?

Впервые в жизни Аннушка – мама сразу ее так назвала, давно хотела в честь бабушки – ехала по городу в трамвае. Потом впервые в жизни спала в электричке. А потом долго-долго тряслась на руках у матери, пока та шла через поле, исправно спотыкаясь о каждую кочку. После электрички пахло от мамы уже по-новому. Не молоком. Так же, как от темной бутылки, к которой она то и дело прикладывалась, сидя на деревянной скамье в вагоне. Девочка хотела есть, всю дорогу от станции до деревни плакала. Но родительница, казалось, голодного крика не замечала. Только в конце пути Аннушку укачало. Так и попала домой в беспамятстве.

Очнулась малышка в старой кроватке посреди ветхой избы. Потемневшие бревенчатые стены, деревянный потолок в огромных щелях, заросшее паутиной и пылью крохотное окно и два склонившихся над кроваткой расплывчатых овала с красными пятнами ртов. Маму Аннушка узнала – слабый запах молока робко пробивался сквозь противную вонь, добираясь до голодных ноздрей. Она наморщила носик и хотела заплакать. Но мамаша наконец сообразила – взяла ребенка на руки и сунула ей набухшую грудь. Малышка скривила недовольно крошечный рот – молоко оказалось горьким, – но все равно продолжала сосать, скорбно нахохлившись.

Она наелась, а мамаша, запахнувшись, попыталась передать ее на руки чужому существу.

– Чего ты мне ее суешь? – Голос был гулкий и страшный, словно не из этого мира.

Аннушка снова захныкала.

– Ну, как же, Вась, дочка твоя. – Мать говорила заплетающимся языком.

– Зачем она мне? – новоиспеченный отец сплюнул на грязный пол. – Сама притащила, сама и возись. Я не просил.

Мамаша опешила.

– Так ведь ребенок...

– Мне дети не нужны! Я тебе сто раз говорил!

– Говорил... А сам все лез под подол: «давай, давай».

– Ты баба, значит, твоя забота! Нечего было рожать.

– Нельзя так, Вась. Страшный грех.

– Тогда убери с глаз долой!

– Куда же ее, маленькую?

– Откуда я знаю?! Нам и самим жрать нечего. Государству отдай! Накормят-напоят. По радио слыхала? Больше миллиона в год тратят на ребенка в детдоме. Это какие денжищи, а? Они там как сыр в масле катаются.

– Нехорошо, – мамаша покраснела, – по мамке будет тосковать.

Она положила притихшего младенца в кроватку.

– Ничего, привыкнет! А квартира? Сиротам жилье дают, и ты бы на старости лет пристроилась. Домишко твой долго не протянет.

– Какая же Аннушка сирота? – мамаша говорила теперь шепотом. – При живых отце с матерью...

– А государство спросило, как нам живется?! Мы им детей, а они на нас класть хотели! Вот пусть и воспитывают.

– Вась? Свою родную кровинушку...

– Откуда мне знать, моя – не моя?! Может, твой благодетель Петр Егорыч отметил! А я ни при чем.

Василий не дал возразить – вскочил из избы, со всей силы захлопнув дверь.

Вернулся пару часов спустя, уже пьяный, подобревший, с ополовиненной бутылкой водки. Уселся за шаткий стол. Прикрикнул на мать, чтобы накрывала. А в доме шаром покати – за три дня, что она в роддоме лежала, он все остатки подъел. Нашлось только немного муки и масла. Повязав застиранный до дыр передник, мамаша начала печь лепешки.

– Пока ты там прохлаждалась на всем готовом, я тут с голоду чуть не помер! – пожаловался Василий, жадно глядя на ловкие женские руки.

– Давай готовить научу, – мамаша повеселела, – сложного-то ничего нет!

– Не мужское дело. – Он встал из-за стола, примирительно достал из буфета два стакана. – Тащи сюда свою стряпню.

Они наелись, заворковали. Мамаша глядела на Васю влюбленными глазами, изредка поглядывала на Аннушку и была счастлива, как никогда в жизни. Вот она – настоящая семья. Все как у людей. Василий гладил ее белые, запорошенные мукой руки. Говорил, что скучал без нее. Не знал, куда себя деть. Мамаша расцвела: значит, любит. А что ругает иногда, так это от чувств.

– Вась?

– Чего?

– А ты ревнуешь меня, что ли?

Он вдруг сжал ее ладони до хруста в костяшках, переменился в лице и прошипел:

– Была с этим хмырем?

– Нет! – мамаша перепугалась.

– Но выроdkов-то забрал он к себе! Сразу троих. Просто так, что ли? С ним же и нагуляла!

– Да ты же знаешь, как было! Отняли у меня деток, а он потом пришел, когда документы оформлял, – мамаша уже всхлипывала вовсю, – детей, говорит, люблю. И жена души не чает. А сами никак.

– Ну и любили бы! От тебя чего ему надо?

– Ничего. Благодарен, говорит, за пацанов! Хотел мне помочь...

Василий резко отдернул руку и залепил мамаше пощечину. По бледной щеке расплзлось красное бесформенное пятно.

– Смотри мне! – Он затряс кулаком перед ее носом. – Еще раз притащится сюда твой Егорыч, убью!

– Так ведь не было ничего... Мы ж с тобой в прошлый раз всю неделю на его денежки...

– Не знаю!

Она горько всхлипнула.

– Зря ты так. Хороший он человек. У старшеньких отца никогда не было. А теперь вот Петр Егорыч есть.

– И эту ему отдай! – Василий ткнул пальцем в кроватку. – Туда ей дорога!

– У Аннушки родной отец есть! Твоя же! Твоя!!!

Мать завывала. Дочка, испуганная, проснулась и начала заодно с ней голосить.

– Заткнитесь, бабы! – Василий погрозил в воздухе дрожащим кулаком.

Больше он в тот раз ничего не сказал. Долго сидел, положив локти на стол и закрыв огромными ладонями лицо. Мать, раздосадованная, схватила ребенка и снова стала кормить.

Так и отметили рождение дочки.

Родители спали как убитые. Малышка, тихая и спокойная в роддоме, теперь не смыкала глаз. Ей мешала острая боль в животике и холодные, по десятому кругу, намокшие пеленки. Она плакала. Плакала долго. Охрипла. Были бы слезки – утонула бы в них. Только пьяная мамаша ее не слышала. Утомившись, Аннушка замолкла. И провалилась в бессознательный, заполненный разноцветными пятнами, болезненный сон.

К коликам Аннушка изо дня в день привыкла. К мокрым и холодным пеленкам – тоже. Она даже не заболела: на улице была жара, и в старой хибаре стояло вонючее, влажное тепло. Во двор ребенка не выносили – мамке было не до того. Она то пропадала где-то, то ругалась со своим непутевым сожителем, то пила вместе с ним. Иногда на нее находило, если просыпалась, протрезвев. Начинала собирать по всему дому грязные тряпки, пеленки. Грела воду. И стирала в старом тазу, разбрызгивая мыльную пену по всему полу.

Аннушку купали в хибаре таким же манером – наполняли детскую ванночку. Но праздник такой случался редко. И кожа малышки уже через две недели домашней жизни покрылась опрелостями и прыщами. Она горела и саднила. Девочка все время плакала, но слезки у нее так и не появились. Даже на второй месяц жизни, как это принято у счастливых детей. Зато голос прорезался дай бог каждому. За эти бесконечные вопли Василий материл жену и гонялся за ней по огороду с кухонным ножом. Аннушка не видела этого, не понимала.

Большую часть времени она проводила в заливиستم крике или тяжелом сне. Наорется вдоволь, поест и проваливается в дымчатый мрак. Проснется от голода, снова наплачется, мать сунет горькую грудь – и назад, в беспмятство. Сон спасал. От боли. От страха. Все равно ничем другим Аннушку не занимали – и днем и ночью лежала она, никому не интересная, в своей кроватке. Лишь изредка, после сладкой ночной возни в койке с Василием, на мать накатывала болезненная нежность: она тискала малышку, горячо целовала в темечко, называла любимой дочкой. А потом сама же о своей любви забывала. Могла с силой тряхнуть, проорать в крошечное личико, чтобы заткнулась, или вовсе швырнуть в кроватку. Чем больше обижал мамашу Василий, тем страшнее та срывала зло на Аннушке. Грозилась даже выкинуть ее в окно или отнести на помойку, если не замолчит.

К двум месяцам девочка уже не улыбалась и не пыталась гулить. Лежала молча, бревном, или кричала что было сил. А в июне, когда лето, казалось, было в самом разгаре, вдруг заболела. Похолодало всего-то на несколько дней, но Аннушке, которая лежала все время в мокрых пеленках, хватило этой малости. Сначала из носика долго текло. Верхняя губа и кожа над ней превратились в сплошную корочку от раздражения. Потом вдруг в одну ночь Аннушка стала горячей как огонь. Глаза широкие. Смотрят не живо. И кашель. Такой жуткий, что сотрясалась кроха и наизнанку выворачивалась так, словно ее выкручивали. У любого человека сердце бы на мелкие кусочки от жалости разорвалось. А мать с отцом – ничего. Терпели. Даже к врачу отнести не пытались. Да и где ближайший врач? В город надо ехать, а это только до станции топать пешком пять километров.

Мамаша притащила откуда-то белых таблеток. Толкла их в порошок. И мешала эту пыль в гнутой алюминиевой ложке с подогретым красным вином пополам с водой. Заливала смесь малышке в рот: бутылочек детских в доме не водилось. Другие интересы. Аннушка из ложки глотать не умела: горькое пойло всегда мимо текло и жгло растрескавшиеся губы. Но постепенно болезнь, казалось, отступила. Жар прошел. И мамаша, довольная хорошим средством, увеличила дозу вина. Только девочка продолжала кашлять. Василий брезгливо косился на кроватку и ругал на чем свет стоит глупую жену. Жили бы без этой обузы, горя не знали! И малявка росла бы на всем готовом – и врачи, и лекарства. Все, что душе угодно.

– Вась, – мамин голос звучал просительно, – пойду, что ли, в магазин. Еды в доме ни крохи, а мне ребенка кормить. Молоко пропадет.

– Водки купи, – потребовал Василий.

– Денег не хватит, – робко возразила мать.

– Что, на мужа жалко?! – завелся он. – Вчера только у дачников заработал – полдня дрова им колол. На свои кровные имею право выпить!

– Так мало осталось, сам же бутылку вчера купил.

Мамаша нерешительно топталась на пороге и размышляла: поднимет на нее Василий руку или на этот раз обойдется. Выпить и самой хотелось. Но есть-то и вовсе было нечего – весь май даром прошел, время на Анку истратила. Ничего в огороде не посадила. Теперь разве что в лес за грибами...

– Пошла! – заорал Василий. – Будешь еще из-за этой дряни, – он ткнул грязным пальцем в кровать, – жизнь мне калечить. Обеих зарублю!

Мать выскочила за дверь. А Василий так разошелся в праведном гневе, что не мог успокоиться. Все кипело внутри. Вот взял бы за ноги это орущее существо и тюкнул об угол головой. Делов-то! Он обошел вокруг кровати пару раз. Брезгливо осмотрел сморщенный, зароговевший от грязи и завернутый в тряпки комок. Комок не переставая вопил и сотрясался от жуткого мокрого кашля.

– Дерьмо! – Василий плюнул прямо в кровать. – Я тебе покажу! Дерьмо! Будешь знать, как жизнь мне ломать.

Он не решился прикоснуться к Аннушке: мамаша поднимет вой, побежит, чего доброго, в милицию. Зато придумал, как отомстить обеим сразу. Стащил с себя старые портки, присел посреди пола на корточки и, с трудом сохраняя равновесие, наложил прямо на пол.

– Будешь знать! – повторял он. – Будешь знать! Поймешь, чем пахнет!

Мамаша к тому времени только добрела до домишки, где располагалась летом скромная лавка. Зимой продукты возили сами, из города. Дачники разъезжались, оставалось в деревне пять домов – выгоды никакой.

– Клава! – тихо позвала она. На голос выплыла дородная продавщица и поморщила нос.

– Тебе чего?

– Ну, – мамка застопорилась, размышляя как быть, – макароны дешевые есть?

– Есть. Давать?

– Ну, – мамаша лихорадочно копошилась в карманах, – давай. И бутылку, – торопливо добавила она.

Денег почти не осталось, на хлеб и то не хватает.

Клава выложила требуемое на прилавок.

– Еще чего?

– Хлебца бы черного, – мать сглотнула слюну, – только у меня всего три рубля осталось.

– Подавись! – буркнула Клава, бросив буханку на прилавок. Жалела она эту дуру, хоть и ненавидела заодно со всеми ее приبلудными мужиками. Но проявляла благородство души, помогала по старой памяти. Когда-то давным-давно они вместе в школу ходили в соседний поселок. За одной партой сидели.

– Спасибо, Клавушка! – мамаша расцвела. – Я все отдам. Как будет – сразу отдам. – Выложила смятые бумажки и грязную мелочь, схватила добычу и помчалась что было сил обратно. Васеньку утешать.

Открыла дверь в свою избушку и, привычная ко всякому смраду, удивленно заткнула нос. Вонь стояла невыносимая. Внутри было тихо и темно, все окна зашторены. Ничего не разобрать. Постепенно глаза различили – Василий стоит посреди комнаты без штанов, руки в бока. Смотрит на нее, победно ухмыляясь. Аннушка, сама устав от своего крика, едва слышно хнычет. Мамаша прошла, положила покупки на стол, отступила на шаг и увязла ногой в мягкой куче. Не разобрала. Нагнулась, потрогала, выпачкала пальцы. С запозданием поняла все

и разревелась.

Василий захохотал. Он долго клокотал, даже не думая натянуть штаны. Аннушка заверещала громче, к жуткому смеху отца прибавился ее пронзительный визг. Мамаша не выдержала – трясущимися руками открыла бутылку и глотнула, сморщившись, прямо из горла.

Глава 5

Город и не думал отходить ко сну. Весна будоражила. Покачивала бедрами, бросала кокетливые взгляды, расплывалась в томных улыбках; вслед ей неслись посвистывания, причмокивания и улюлюканье. Одна только Маша Молчанова к чувственным сумеркам была безразлична: сосредоточенно шагала к метро, глядя прямо перед собой и чеканя шаг как солдат. Она не замечала растворенного в воздухе сладострастия – ее мысли блуждали далеко.

Отчего-то весенний аромат напомнил ей день из детства. Далекого, счастливого. Когда мама с папой были еще единым целым и составляли весь ее мир. Разве что книги дополняли эту идиллию. Будущая актриса, маленькая Маша лет с пяти безумно любила читать. Легко переносилась во времени, пространстве и сама становилась героиней книг.

Кажется, это было как раз весной – ответственная семилетка уже готовилась идти в первый класс, разбирала свои полки, чтобы освободить место для учебников. И наткнулась на тоненькую книжицу – «Козетту» Виктора Гюго. Наверное, ее принес папа, а она не успела прочесть. Отец всегда возвращался домой с работы с новыми книгами – приносил для себя и для дочки. В их небольшой квартире было уже не протолкнуться от полок и стеллажей, доверху забитых солидными томами и тоненькими изданыцами, а папа все нес и нес в дом «макулатуру», как шутливо называла эти сокровища мама. Остановиться он не мог – книги были плотью и кровью профессии, которую он любил как самую жизнь.

Машенька долго не могла оторваться от созерцания мрачной обложки. На ней, понуро склонившись, стояла девочка с огромным ведром. В бесформенных башмаках, кое-как подоткнутом, чтобы не споткнуться, взрослом переднике,

малышка выглядела нищенкой. На лице ребенка замер испуг. Маша и представить себе не могла, откуда берется такой жуткий животный страх. Она открыла книгу и начала читать. Перед ней в ту же минуту ожили персонажи: противная толстая мамаша Тенардье, доверчивая Фантина и прелестная маленькая Козетта. Через несколько страниц Машенька уже видела себя, босую, с красными, опухшими от холода ступнями, под грязным деревянным столом. Как будто это ее навсегда оставили мама с папой и она должна была прислуживать чужой семье: мести полы, подавать на стол, ходить за водой. Замерзая, она брела по зимней улице в нищих лохмотьях с тяжелым деревянным ведром...

Машенька рыдала так долго и безнадежно, что мама не на шутку перепугалась. Сама успокоить дочку она, как ни старалась, не смогла. Схватила телефон, отыскала в редакции папу и велела ему срочно ехать домой. Отец примчался спасать ребенка, который обливался слезами и не мог никому объяснить, что случилось. Он догадался сам – увидел открытую на середине книгу.

– Это из-за Эфрази?

Машенька не сразу его поняла, посмотрела недоуменно, полными слез глазами.

– Ты плачешь из-за Козетты?

– Да...

– Не надо, это было очень давно, – отец опустил на кровать рядом с дочерью, – примерно сто пятьдесят лет назад.

Не в силах вообразить себе такой промежуток времени, Машенька растирала по щекам слезы.

– Все закончилось хорошо, – успокоил ее отец, – вот послушай.

Прижал дочку к себе крепко, посадил на колени и начал рассказывать о Викторе Гюго, о романе «Отверженные», о Жане Вальжане, который спас Козетту. О том, что и в самом деле давным-давно жила на свете малышка, судьба которой была очень похожа на историю маленькой героини. Отец не подлаживался под

возраст дочери – говорил с ней, называя вещи своими именами. Машенька узнала, что незаконнорожденную девочку добрая, но нищая мать отдала на воспитание трактирщикам потому, что не могла одновременно зарабатывать на хлеб и заботиться о ребенке. У малышки был богатый отец, но внебрачная дочь от простолюдинки была ему не нужна. А мать девочки вскоре лишилась работы из-за наговора завистливых товарок и, чтобы платить за содержание дочери, вынуждена была продавать себя. Потом умерла.

– Сейчас детей без родителей нет? – Маша подняла полные слез глаза и с надеждой посмотрела на отца.

– Есть.

– И как же они живут, – она напряглась в его руках, сжалась в комок, – прислуживают в чужих семьях?

– Нет. Живут в детских домах, а государство о них заботится. – Отец печально вздохнул. – Но все равно это не то. Каждому ребенку нужна своя семья и свой дом.

Машенька поняла не все, о чем говорил папа, но в разговорах с ним такое часто случалось. Она привыкла слушать и запоминать, откладывая слова «на потом».

– Детский дом – это как детский сад? – Девочка наморщила лобик, заново переживая свои редкие и ненавистные походы в это противное заведение.

– Намного хуже. Там детки живут все время.

– Не ходят домой?

– У них нет дома.

– Давай найдем детский дом, – уголки ее губ опустились, она готова была снова расплакаться.

– Зачем?

– Заберем к нам Козетту.

– Машенька, Козетты там нет. Она только в книге. Конечно, в детском доме много других детей, но тут ничего не поделаешь. Невозможно забрать всех...

В ту ночь Машенька долго не могла уснуть. Повторяла: «тут ничего не поделаешь», и снова заливалась слезами. Она представила себе, как однажды родители забыли и о ней. Просто она стала им не нужна: никто не пришел после полдника в детский сад. Ее оставили там навсегда. И вот уже за окном темным-темно, а она все сидит на жестком деревянном стульчике и ждет.

Воспитательница ругает ее, называет обидно «ревой». А она плачет и ждет. Как все дети в этих детских домах. Маша задыхалась – казалось, невыносимое горе вот-вот раздавит ее.

Молчанова и не заметила, как вошла в метро, доехала до своей станции и забрала с парковки машину. Десять минут – и она вдали от городской суеты около любимого дома. Только вот во всех окнах темно. Значит, Дашка до сих пор не приехала из школы? Сердце испуганно забилось.

Не выходя из автомобиля, она набрала номер дочери. Длинные гудки звучали отчетливо, но трубку никто не брал. Она позвонила еще раз. И еще. Тот же результат. В голове бешеной каруселью завертелись травмы, насилия, взрывы, аварии. Дашка не перезванивала. Маша не переставала жать на кнопку «вызов», пока ей не начали отвечать: «Абонент вне зоны доступа».

Девять вечера. На улице кромешная тьма. Где ее дочь?!

Издерганная двухчасовым ожиданием, Маша в сотый раз нервно взглянула на часы и набрала номер телефона – на этот раз не дочери, а Олега.

– Дашки до сих пор нет дома.

– Ты ей звонила?

– Сто раз.

– И что?

– То абонент недоступен, то трубку не берет.

– Достала...

Это сцеженное сквозь зубы слово не предвещало ничего хорошего.

– Может, она телефон опять потеряла?

– И часы во всем городе встали?! Она в шесть должна быть дома! Жди. Скоро приеду.

Маша ходила из угла в угол. Сердце от страха колотилось в горле. Друзей дочери она давно обзвонила – и одноклассниц, и соседских ребят, с которыми Дашка обычно гуляла. Никто не знал, куда могла подеваться Даша. Уже не в первый раз она забывала о времени и находила абсурдные объяснения своим опозданиям. Но раньше хотя бы трубку брала!

При каждой новой выходке дочери Маша ругала себя: нужно было лучше воспитывать, бросить работу, в конце концов, и все время быть рядом. Чувство вины уничтожало последние капли самообладания. Бессилие превращало ее в мегеру – не в состоянии добиться послушания от дочери, она выходила из себя: начинала орать, хлопать дверьми. Привычная к подобным спектаклям Дашка никак не реагировала на очередной срыв – продолжала гнуть свою линию: «что хочу, то и делаю». Ей было невдомек, что мать теряет терпение не от банальной злости на дочь, а от чудовищного страха за нее и беспомощности.

– Явилась?! – Олег ворвался в дом как смерч. В военной форме и огромных сапожищах. Под щетинистыми щеками вверх-вниз ходили желваки. Выглядел он устрашающе.

– Нет.

– Закрутилось-понеслось!

– Олег, ты только...

Он уже не слышал ее. Бросив у порога портфель, выскочил на улицу и зашагал к выходу из поселка. Где он был, Маша так и не узнала. Оставалось догадываться, что поставил на уши местного начальника охраны, а заодно и всех его подчиненных. Но если бы дочь была неподалеку, об этом знали бы ее друзья. К полуночи Олег вернулся домой один. Злой как черт.

– Молодец, воспитала! – бросил он жене и, сорвав с себя сапоги, скрылся в спальне.

Машу трясло. Она непрерывно набирала номер дочери и слушала длинные гудки. Жива ли она?! В чьих руках сейчас телефон, на который она звонит? Воображение рисовало жуткие картины. Сбросив звонок, трясущимися пальцами она стала набирать эсэмэс: «Где ты?!?! В состоянии написать родителям?» Уже готовила себя к самому страшному. Но вдруг получила ответ: «Все нормально, останусь у подруги, утром буду дома. Я в порядке».

Она жива! На мгновение Маша почувствовала огромное облегчение, а потом, почти тут же, ярость. Она чуть с ума не сошла, дозваниваясь до дочери, а та, оказывается, просто не желает с ней говорить. Да еще и лжет – ее нет ни у одной из подруг. «Позвони! Срочно!» – написала она. «Нет», – вот и весь разговор. «Даша, что за подруга? Пришли мне адрес! Иначе с полицией начинаем тебя искать». И на этот раз ответ пришел молниеносно: «Ты ее не знаешь. Зачем вам полиция? Я останусь здесь, со мной все хорошо. Утром приеду. Спокойной ночи». И телефон замолчал. На всю ночь.

Обезумев, Маша писала и писала километровые сообщения. О том, что ни на секунду не сможет уснуть, о том, что не заслужила такого, о том, что каждый человек, который возомнил себя взрослым, обязан думать о чувствах других. Дочь не отвечала. Исчерпав словарный запас, Маша, трясаясь всем телом, как на ледяном ветру, поднялась в спальню. Олег лежал в постели с книгой в руках. Маша успела заметить, что глаза его неподвижно смотрят в одну точку на бессмысленно раскрытой странице.

– Вернулась?

– Нет, ответила на сообщение.

– Ну и что?

– Она... Написала... – было непросто произнести это вслух. – В общем, Даша останется ночевать у друзей.

– С какой это стати?! Ей всего четырнадцать лет!

Маша знала, что муж на миллион процентов прав. Нельзя мириться, попустительствовать нельзя. Их авторитет в глазах дочери и так несся в черную бездну со скоростью кометы. Дашка вдруг вообразила себя независимым человеком, который может вытворять все, что вздумается, и не вспоминать об ответственности. Конечно, она, Маша, виновата сама. Ей всегда казалось, что воспитать личность можно только в условиях свободы выбора и мнений. Никаких наказаний, только беседы. Жизнь показала, что обойтись одной деликатностью нельзя: строгость нужна не меньше. Вот только где теперь ее взять? Даша успела привыкнуть к безнаказанности.

– У тебя есть человек, который может по номеру телефона вычислить местонахождение?

– Ты даже точно не знаешь, где она?!

– Нет.

– Докатились!

– Олег, мне нужна помощь...

– Есть люди. Но не в пятницу ночью.

– Может, в полицию?

– Не смей. Она отвечает, значит, жива-здорова... Там умеют искать в основном по больницам и моргам.

Всю ночь Маша просидела на кухне, глядя в окно и каждые десять минут набирая номер дочери. Он по-прежнему был отключен. Маше было о чем подумать. Олег тоже не спал. Несколько раз одевался, выходил на улицу, потом

возвращался. К утру оба были похожи на зомби. Маша посмотрела в зеркало и не узнала себя. Старая кожа. Опухшие веки. Красные пятна на лице, словно бы ей было семьдесят лет. Неужели от нервов? Она не помнила, когда в последний раз проливала так много слез. Кажется, в Дашкином беспокойном младенчестве. Пока дочь была маленькой, постоянно болела, Маша сходила с ума от страха за ее жизнь. С тех пор мало что изменилось. Разве что причины переживаний стали другими, а суть все та же.

Дочь вернулась домой в полдень и попыталась сделать вид, что происходящее в порядке вещей. Бросила короткое «привет» в глубину дома и вознамерилась проскользнуть мимо родителей незамеченной. Скинула ветровку, ботинки, стрелой метнулась в туалетную комнату. Маша ждала. Сидела за большим обеденным столом в гостиной и смотрела на чистый лист бумаги. Сейчас или никогда! Только бы не сорваться.

– Нужно поговорить, – произнесла она, как только Даша вышла из своего укрытия.

Дочь молча прошлепала босыми ногами по кафельному полу и уселась, с напускной храбростью глядя матери в лицо. Маша не отвела взгляда, хотя это было непросто: на нее смотрели наглые чужие глаза. Разнузданная, похожая на уличную девку, Даша теперь совсем не была похожа на ее дочь. Еще полгода назад красивое юное личико обрамляли густые длинные волосы потрясающего оттенка. Все завидовали этой солнечной шевелюре. Стоило Маше появиться с дочерью на людях, как тут же подбегали фотографы, стилисты, продюсеры. Все как один твердили о карьере модели, а Маша, польщенная и гордая, улыбалась. «Пусть девочка решает сама». Она всегда позволяла Даше делать выбор: не могла и не хотела давить. А теперь... Красный короткий «ежик» сердито торчал над изменившимся до неузнаваемости лицом. Волосы выпадали пучками, стали редкими и сквозь них просвечивала теперь беззащитно-белая кожа головы. Реактивная краска, которую дочь раздобыла неизвестно где и без ведома матери, сделала свое дело. Мочка уха тоже была навсегда изуродована: в ней красовался стальной туннель, сквозь который виднелась покрытая светлым пушком ребячья шея. Пирсинг в носу и губе завершал уродливый образ. Как ни уговаривала мать не портить красоту, когда впервые услышала от Дашки о «крутости» татуировок и пирсинга, как ни распиналась о вреде проколов, растяжек и красок, дочь втихаря делала по-своему. Каждый раз, обнаружив новое «украшение», Маша лишалась рассудка. Не умела справиться с чувствами и орала, ругала, билась в истерике. Была на грани – еще чуть-чуть, и в ход

пошли бы кулаки: только нечеловеческое усилие воли помогало ей сдерживаться. До поры до времени мать не понимала, откуда появляются проколы и растяжки: на пыточные салоны у Даши попросту не было денег. Ни она, ни Олег не давали ребенку серьезных сумм. Но когда, ошалев от ярости, Маша вытряхнула на пол содержимое Дашкиного школьного рюкзака и нашла там медицинские иглы, перекись водорода, левомеколь, расширители и хирургические перчатки, все стало ясно.

В страшном сне Маша не могла представить себе, что когда-нибудь ее красавица дочь будет выглядеть так. Каждый взгляд на ребенка причинял невыносимую физическую боль. Словно это в нее вонзались толстые иглы, ее мочки растягивались под давлением расширителей, ее сердце жгли каленым железом. Жалость и ярость раздирали душу на части, и она смертельно устала от этой бури внутри.

– Где ты была?

– У подруги.

Маша видела, что Даша напряжена до предела, но ни за что не сознается в этом. Она продолжала играть любимый спектакль «все хорошо».

– Какой? Я всех обзвонила.

– Мы в Интернете познакомились.

Маша заранее дала себе слово не выходить из себя, не допускать ни крика, ни слез. Но сейчас едва не сорвалась.

– Ты понимаешь, что это опасно? Малоознакомых людей нельзя считать друзьями.

– Можно, – Дашка нахохлилась еще больше, – у тебя устаревшие понятия. Все находят друзей ВКонтакте.

Ребенок! Глупая несмышленная девочка, которая не ведает, что творит. Не хватало уже на нее ни жалости, ни злости! Главное, найти в себе силы и выдержать, дойти до самого главного.

– Ты не ночевала дома. Это недопустимо.

– Все ночуют у друзей!

Конечно, неправда. Дашка снова испытывала мать на прочность – сорвется, не сорвется. Если начнет орать, значит, все, разговор окончен. И можно выйти победителем из очередной переделки. Отвоевать очередной кусок вседозволенности и свободы.

– Меня это не волнует. Есть правила нашей семьи. Никто не имеет права их нарушать. Кроме того, тебе 14 лет, значит, родители отвечают за тебя по закону. Ночью дети обязаны быть дома!

– И что? – очередной наглый взгляд.

– Пора принимать решение. У нас только два варианта.

– Каких?!

– Ты соблюдаешь правила. Приходишь домой не позже девяти вечера, выполняешь обязанности и избавляешься от своих троек. Тогда можешь и дальше жить с нами. Если нет, уходи и делай что хочешь.

Даша, оторопев, уставилась на мать. Это она всегда угрожала ей тем, что сбежит! Возьмет и не вернется домой в один прекрасный день, если «родоки» будут сильно ее доставать. Теперь ситуация принимала неожиданный оборот.

– И где я буду жить? Ты мне снимешь квартиру?

– Снимешь себе все, что захочешь, сама. Мы с папой не собираемся ни давать тебе денег, ни общаться с тобой. Можешь забыть о том, что у тебя были родители.

В глазах Даши впервые промелькнуло что-то похожее на испуг – Маша заметила это, прежде чем дочь успела надеть очередную подростковую маску. Она умела быстро взять себя в руки.

– Жестоко, – ребенок наигранно улыбнулся, – а общаться-то почему нельзя?

– Для нас с папой это слишком тяжело. Мы измучились и устали. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на вечную войну с собственным ребенком.

– Нет человека – нет проблем?

– Можно сказать и так.

– А ты не хочешь узнать, почему я не пришла домой? Что случилось?

Маша не хотела. Она смертельно устала за последнее время от наглого вранья и бессмысленных разговоров. От своих долгих, с примерами из жизни, объяснений, почему опасно передвигаться одной по городу поздно вечером. От педагогических бесед на тему «надо учиться». От душеспасительных излияний о вреде сигарет, алкоголя и – боже упаси! – наркотиков. Дашка в такие минуты смотрела куда-то поверх макушки матери и, в зависимости от настроения, то презрительно хмыкала, то безразлично кивала. Ни то, ни другое ровным счетом ничего не значило. Их с Олегом дочь продолжала гнуть свою линию и задвигать родителей с их нотациями за линию горизонта. Могла явиться домой с запахом табачного дыма в волосах. Могла непростительно опоздать к назначенному времени. Могла даже исчезнуть посреди ночи из дома, несмотря на строжайший запрет: дожидалась, пока мама с папой уснут, и потихоньку выбиралась на улицу по зову соседских мальчишек. Таких же безбашенных подростков, как и она сама. Все это, вкупе с неминуемыми скандалами, ночными разборками и скачками давления у родителей, не мешало ребенку с прежней детской радостью делиться с матерью историями из жизни. Это и выбивало Машу из колеи – она сходила с ума от раздвоения личности Дашки: несмышленный добрый ребенок то и дело превращался в изощренного злобного переростка, который только и делал, что старался причинять близким людям сильную боль.

Маша смотрела на дочь и не верила в то, что сама ее родила. Не могло это инопланетное существо быть человеком от ее плоти и крови. В противном случае она сумела бы достучаться до упрятого в раковину подростковой бравады сознания. Но ведь не может донести до девочки самых элементарных вещей! Разговоры-разговоры. Каждый день, уже много лет, и все без толку.

Маша сидела молча, ждала. Даша за двадцать минут не произнесла ни слова. Смотреть на нее было тошно: грязные красные волосы торчали во все стороны, истрепанная толстовка выглядела вещью с помойки, а вокруг проколов в носу и на губе образовалась подозрительная краснота. Сердце матери дрогнуло и болезненно сжалось: не прошло и полгода с тех пор, как Дашка попала в больницу с инфекцией в мочке уха. Сама же себе занесла. И это ничему, ни на секунду ее не научило! Сколько еще раз этому ребенку придется споткнуться, упасть и расшибиться в кровь, прежде чем она поймет, что нужно себя беречь?!

– Ты приняла решение?

Даша помолчала, потом выдала, по-детски надув нижнюю губу:

– Я не хочу уходить.

Сердце матери встрепенулось и учащенно забилося. Она старалась не показывать своей радости.

– Значит, нужно соблюдать правила.

– Может быть, – Даша задумчиво поднялась и подошла к лестнице, – но я не всегда смогу удержаться.

То, что ребенок начал признавать собственную слабость, само по себе можно было считать победой.

– Придется. Иначе ты знаешь, где дверь.

Маша видела, как дочь борется сама с собой и не может победить внутреннего разлада. Ничего не ответив, она медленно поднялась вверх по лестнице и закрылась в своей комнате.

– Больше никаких детей, – Молчанова услышала шипение Олега за своей спиной, – с меня хватит этой!

Первый раз в жизни он терпеливо дождался конца разговора в укрытии: не встрял, не вмешался. Не начал обвинять и орать. Все, как Маша просила.

– Олег, но другие-то в чем виноваты?

– Ты меня поняла.

– Все дети разные, – она уже видела по его глазам, что ситуация безнадежна, – никогда не знаешь, как все сложится с другим ребенком.

– Тем более! С меня хватит!

Глава 6

Только к концу июня, после дикой выходки отца, мамаша догадалась, что надо бы Аннушку в огород выносить, давать свежим воздухом подышать. Как она ни драила, ни скребла, а в доме стояла невыносимая вонь. Источник ее будто въелся в старые доски, пропитал их насквозь и не желал отступать. И только Василий был доволен результатом: сумел показать своим бабам, кто в доме хозяин.

Теперь Аннушка подолгу лежала на улице. Чаще всего ее выносили и так забывали. Мамаша нашла старый, бабкин еще, деревянный чемодан. Стелила на дно одеяльце, клеенку, пеленки и выкладывала голенького ребенка «принимать воздушные ванны». На свежем воздухе спалось хорошо, и даже кашель почти пропадал. Зато комары не упускали шанса: Аннушка была вся в красных пятнах от их укусов.

В деревне понятия не имели о том, что в крайнем, перекошенном от старости домишке, у беспутной мамы и ее нового сожителя девочка родилась. Казалось, научена уже женщина горьким опытом – троих детей забрали, – не станет испытывать судьбу. Да и спивалась она, вслед за Василием, не по дням, а по часам. Но жизнь по-другому устроила. Понадобилось ей, чтобы после трех несчастных мальчишек еще и девчонка явилась на свет.

Первой Аннушку обнаружила баба Маня. Не поверила глазам, когда показалось, что в соседнем дворе посреди сорняков стоит открытый чемодан, а в нем – ребеночек спит. Глаза протерла. Все то же. Ближе подошла к покосившейся

калитке и обомлела. И правда – девочка. На вид заморыш заморышем – тощая, бледная, покрытая красными пятнами с головы до ног. И голенькая совсем: ни распашонки, ни ползунков. Да и откуда детским вещам-то взяться? Мамаша одежды, какие от ребят остались, давно продала. Васька приبلудный научил, как деньги на водку добывать. Непрошеного соседа баба Маня с первого дня боялась. Огромный как медведь, волосы и борода клочками торчат, глаза красные – того и гляди прибьет. Как только он полтора года назад в деревне появился, баба Маня сразу к Степанычу побежала выяснять, что за человек. Ничего доброго не узнала: со школы воровал, сидел в колонии для малолетних, вышел бомжем – родственники позаботились. Скитался без работы и без дела по городу, пока их непутевая соседка это сокровище не подобрала. Да еще и прописала к себе, жалостливая душа. Лучше бы деток своих жалела...

Старушка мигом забыла, куда и зачем шла, побежала домой. Собрала младенческие одежды, которые от внуков остались, стала уговаривать деда к алкашам сходить: вещички передать. И посмотреть поближе, как там младенец. Уж больно плохонький, может, надо спасать? Если бы она в прошлый раз, два года назад, в милицию не сообщила, так бы и уморила мамаша троих своих сыновей. Славные ребятки такие, вся деревня их подкармливала, как могла. А они к мамке тянулись, любили ее, окаянную, больше жизни. Баба Маня до сих пор иногда по ночам в холодном поту просыпалось – казалось ей, что большое зло она сотворила, разлучив мать и детей. Но что делать-то было? Голодали мальчишки, болели, головки вшами кишели – живые шапки, не подойти. А мать ребят не смотрела совсем. Старшенький лет с пяти все хозяйство в доме вел сам. За младшими ходил. Да еще и за мамашей ухаживал. Она и раньше напивалась иногда, правда, не так часто: приедет из города уже готовая и ляжет под забором. В дом к детям не идет, стыдно. А он ее словно чувствовал – выбежит с ватным одеялом, укутает и сидит рядом. Сторожит. Боялся, как бы в милицию ее от них не забрали. Про это он все хорошо понимал. Опыт уже был. Утешалась баба Маня лишь тем, что в хорошую семью мальчишек пристроили. Не с родной мамкой, зато любят их как своих. Петр Егорыч в последний раз приезжал, целый час у них с дедом сидел, фотографии показывал, нахвастаться сыновьями не мог. А ребятки и правда как куклы – щечки кругленькие стали, глазки блестят, одеты с иголочки. Видно, что балуют их от большой любви.

Дед долго сопротивлялся. Кому же захочется под руку к Ваське этому окаянному лезть? Но баба Маня свое дело знала: налила деду для бодрости рюмочку по особому случаю, он ее опрокинул, крикнул и пошел за порог. Жена за ним. Добрели до соседского участка. По двору пробираться не стали, хоть калитка кособокая нараспашку. Дед звучно крикнул:

– Эй, Василий! Есть кто живой?

Ответила тишина.

Пришлось по заросшему сорняком огороду топать к дому. Маня не удержалась – подошла к чемодану в траве, кряхтя, опустилась перед ним на колени. Дышит, сердешная. С хрипами, тяжело. Но славная какая девочка! Если б не болезненность и худоба, была бы красавица. Ножки-ручки точеные, носик маленький, ротик потешный – во сне оттопыривает нижнюю губку, как будто на кого-то обиделась. От такой жизни немудрено. Хотела баба Маня взять малышку на руки, отмыть, обогреть. Но побоялась Василия – не забыла, каким волком он на нее смотрел, когда она по старой памяти с гостинцами и пирогами на Радоницу пришла. Сама-то непутевая дочка к Анне, матери своей, на могилку и не подумает сходить, а баба Маня каждый год вот так ненавязчиво напоминала. Сама оставалась с ребятами, пока соседка ходила на кладбище. Кормила мальчишек конфетами, они визжали от радости, перемазывались шоколадом как чертенята и лезли целовать старушку коричневыми сладкими губами. И еще неизвестно, кому от этого веселья было больше счастья. А в прошлом году ребят уже не было, и вымер дом. Словно остался без души. «В подачках не нуждаемся», – отрезал Василий и вывел соседку за дверь. Она только и успела рассмотреть краем глаза, во что превратился Анин дом. В страшном сне не приснится! И наследница пьяная в беспамятстве на тюфяке лежит.

Дед тем временем постучал, уже думал развернуться и уйти подобра-поздорову, пока никто не тронул, но тут жена показала ему малявку. Коленочки острые, личико скорбное, грязные волосенки еле головку прикрывают. А под ними жилка пульсирует – родничок еще не зарос. Такую только тронь, и нет ее. А тут Василий с медвежьей хваткой.

Дед старый слезу с глаз смахнул и пнул ногой дверь. Стал всматриваться. После солнца ничего внутри было не разобрать. Тьма непроглядная. Постепенно привыкли глаза.

Казалось, что такие гадюшники на земле сто лет как перевелись: двадцать первый век на дворе, не каменный. Вонь, грязь, занавески черные от копоти висят. Пол в хибаре растрескался, бревна в стенах прогнили. Из мебели – детская кровать, в которой сама мамаша когда-то и выросла, обеденный стол да тюфяк в углу. Все, что от Анюты бедной осталось, пусть земля ей будет

пухом. Не повезло с дочкой, так не повезло – и мать загнала в могилу, и свою жизнь порушила.

На серой нестираной постели бесформенными мешками лежали хозяйка с сожителем. Спят, с утра уже пьяные, мертвецким сном. Дед подошел к тюфяку. На что привычный ко всем ужасам – блокаду ребенком пережил, – а от смрада чуть не выворачивало. Тронул носком калоши тот из двух мешков, что с бородой. Василий даже не пошевелился. Дед рассердился. Пнул сильнее. Без реакции. В глазах от ярости потемнело. За что отец его погиб в войну, кого защищал?! Не для того люди под пулями ползали и с голоду подыхали, чтобы мразь такая на русской земле процветала! Схватил он гнутую кочергу да как огреет Ваську по задку! Тот подскочил – глаза кровавые, красные – и, не разбирая ничего, бросился на обидчика. Дед едва выбежать из хибары успел – как пить дать прихлопнет, пьянь беспросветная. Силы-то бесовской некуда девать.

А Василий даже не понял ничего. Глаза протер, осмотрелся. Пусто в доме. И снова рухнул рядом с женой, прижав ее грузным телом к стене.

– Живой? – кинулась к деду баба Маня.

– Отстань, старуха! – Дед тяжело дышал, схватившись за сердце.

– Да что ж это такое?!

– Такое! К Степанычу надо идти.

– Пока ходишь, они и ребеночка уморят! – всплеснула Маня руками.

– Вижу я все, – дед понурил голову. – В войну и то такими тощими да грязными ребятишки не были. Воспитали коммунисты себе достойную смену, нечего сказать.

– Что же теперь, – бессмысленно засуетилась жена, – заберем девочку с собой?

– Рехнулась ты, что ли? – Дед поплелся к калитке. – У нее законные родители есть. Государству теперь решать. Вещички рядом с ребятенком оставь, найдут. Степанычу я сам позвоню.

Участковый вежливо попрощался со стариком Рябининым и с досадой отбросил трубку радиотелефона. Только этого не хватало! Мало ему было ночной разборки: мужики в поселке словно с ума сошли. Насмотрелись телевизора, обалдуи. Всю жизнь с хохлами бок о бок жили, дома вместе строили, водку пили, сало ели, и ничего. А теперь вдруг стенка на стенку. Одни орут: «Нехай русских не тронут!». Другие вопят: «Убирайте от границ свои поганые танки!». И что за результат? Бедному Петренко голову камнем пробили – неизвестно еще, выкарабкается мужик или нет. Нормальный парень, хороший электрик. Жена, две детей. Кому от него плохо было? Теперь следовательно, суд... Прощай, мирная жизнь!

А поутру еще дед Рябинин со своим занудством – «проверьте». Послал бы куда подальше, если бы сын его не был в городе большой шишкой. Всюду эти Рябинины нос суют. В прошлый раз добились, чтобы пацанов у этой беспутной мамы забрали. Пять лет назад достучались, чтобы газ в деревню провели. Ни одно дело без них не обходится. Активисты!

Легко сказать «проверьте»! А дальше что? Кончились старые времена, когда всех битых, больных и голодных тут же отправляли в приют. Теперь даже за «ненадлежащий уход» забирать из родной семьи нельзя. Вера Кузьминична не зря зимой звонила, предупреждала: депутаты выдумывают новый закон. Теперь, если что не так, и представителя опеки, и сотрудника полиции могут привлечь к уголовной ответственности за необоснованное изъятие ребенка из семьи. Кто там в суде будет разбираться, отчего да почему? Оно им надо? Как всегда, исполнители и будут виноваты. А по закону это теперь чуть ли не до восьми лет лишения свободы! Да пусть воспитывают наркоманы и пьяницы свой приплод, как хотят. Никому нет дела. Ему еще своих троих на ноги ставить – никакого резона в тюрьме за чужих сидеть.

Тяжело вздохнув, Степаныч вышел из отделения и нехотя оседлал служебный мотоцикл. Решил ехать мимо трассы, по проселочной дороге, чтобы не дай бог не налететь на кого. После бессонной ночи голова раскалывалась да в глазах рябило.

Дверь хибары долго не отворяли. Степаныч громко и по-хозяйски стучал. Было открыто, только толкни, но заходить не хотелось – спасибо, нанюхались уже. Лучше было на воздухе постоять. Наконец выплыл Василий.

– Мочалов, – Степаныч отодвинулся, поморщившись, – когда пить бросишь, скотина?

– К зиме, – уверенно пообещал хозяин.

– Ты со мной не шути! Еще раз пьяным увижу, на пятнадцать суток закрою.

– Понял...

– Ладно, – Степаныч безнадежно махнул рукой, – сигнал на тебя был. Жестокое обращение с ребенком.

– Чего?!

– Дети в доме есть?

– Есть. Дочка.

– Почему незаконно?

– Как незаконно?! – Мочалов испугался. – Как у всех. Родили. Мужик я или нет?

Степаныч поморщился. Бесполезно таким про мужиков объяснять. Это он по молодости, как дурак, язык натирал, воспитывал. Про ответственность молот, про обязанности отца. Теперь все, хватит.

– Прописка ребенка где? Свидетельство о рождении?

– Так это мамашу надо спросить. Я ж тут так.

– Ты зубы не заговаривай. Себя-то не забыл прописать. Документы на ребенка тащи.

Василий скрылся за дверь. Долго возился там, потом вывел испуганную хозяйку с завернутым в старые пеленки младенцем на руках. «Тьфу, – подумал Степаныч, – и это – баба? Смотреть противно». На ребенка он даже не взглянул.

Никаких нервов не хватит на каждого несчастного младенца смотреть. Голос подает, и ладно. Значит, живой.

– Ну, что за ребенок? – обратился он к мамаше, прикрывая нос.

– Наша с Васей дочка, – проямлила она. – Мочалова Анна Васильевна.

– Где свидетельство о рождении?

– Нету, – ответила женщина и вся покраснела.

Василий злобно закрутил глазами и толкнул ее локтем в бок.

– А мне не давали. – Она оживилась. – Только справку в роддоме выписали, что 20 мая девочка у меня родилась.

– Вот дура! – плюнул Степаныч. – Четвертый ребенок, а все не соображаешь. В роддоме и не будут давать. Оформить надо было в течение месяца. Тащи сюда справку, и чтобы срочно в поселок сгоняли в ЗАГС. Проверю в четверг.

Степаныч посмотрел измятую бумажку с печатями городской больницы, успокоился и вышел со двора. Младенец вроде шевелится, кряхтит потихоньку. Он поморщился: ну, обзавелась семья дитем. Их что, за это судить? Ребенка отнимать? Хоть и алкаши, а такие же люди. Имеют право на продолжение рода. Конечно, если бы кто догадался Степаныча спросить, он бы четко сказал: стерилизовать надо таких мамаш. В принудительном порядке. Сами они никогда не сообразят, как так устроить, чтобы без конца не рожать. Насмотрелся он за десять лет службы. Одного, второго, пятого, десятого на свет произведут, а детки потом или в детдоме растут, илидохнут как мухи. Кто шею себе свернет, кто кипятком обварится, кто отравы наестся – следить-то некому, мамаша дурь глотает или пьет. А бывает и того хуже: нарожают припадочных, даунов и сами же их добивают от злости на судьбу. Сколько видел он малышей с головами в язвах от потушенных о макушку окурков, с поломанными родителями в гневекруками-ногами, с кожей, рассеченной розгой на тонкие окровавленные ремни. Вот где война! Против беззащитных. Не любят в России детей. Мстят им за то, что посмели появиться на свет. А те потом вырастают и отыгрываются на собственных чадах. И некому разорвать этот круг. Государству лишь бы рожали – таких, сяких, главное – цифры. Кто ж даст указ негодных мамаш, чьи дети

брошены или даже от рук их погибли, насильственно детородных способностей лишать? А надо бы.

Степаныч потоптался возле мотоцикла, но не уехал. Как ни сопротивлялось нутро, а решил к Рябининым заглянуть. А то ведь не отстанут, будут звонить да писать.

Баба Маня, неугомонная душа, выбежала навстречу. Изображает нежданную радость, хлопочет, а сама небось видела и слышала весь разговор. Зря, что ли, придуманы щели в заборах?

– Степаныч, чайку? Блины еще не остыли.

– Не откажусь. На завтрак времени не имел, – рассудил, что с паршивой овцы хоть шерсти клок.

Он прошел на крыльцо и начал стаскивать с ног тяжелые сапоги. Почувствовал кислый запах вчерашних носков, усомнился – может, сослаться на срочные дела? Неудобно в стерильную чистоту стариковского дома тащить свою вонь. Но желудок, уловив ароматы с кухни, заурчал как сумасшедший.

– Не снимай, – замахала на него баба Маня руками, – все равно полы мыть.

Степаныч послушно натянул сапоги, прошел и улыбнулся стопке блинов на глиняной тарелке.

– Ну? – баба Маня не дала дожевать даже первый блин. – Когда приедет опека?

Он молча пожал плечами и спрятал усы в своей кружке. Не хотелось ничего говорить. Объяснять про новый закон. Он как мог тянул время.

– Опасности нет, – пробурчал наконец, выхлебав весь чай.

– Как это?! Там же Васька, судимость у него!

– Детей с судимостью заводить не запрещено. Да и за что он сидел? Подростком по дурости магнитола из машины украл.

– Нормальному ребенку в голову не придет чужое взять. Вот у меня сынок...

– Много вы знаете, – Степаныч не смог сдержать праведный гнев, – вашего сыночка жизнь не трепала. А Мочалов на улице рос, там другие понятия.

– Но не красть!

– Красть, иначе свои же забьют. И колония. Там старшие как молодняк воспитывают? Чтобы не возникали, подвешат и бьют дубинами. До беспамятства. И так не день, не два – много лет. Что от человека останется? Какой потом с него спрос?

Баба Маня сидела, опустив голову.

– Да что же делать? – прошептала она.

– Не знаю, – гнев Степаныча как рукой сняло, – поглядывайте. Если что-то не так, звоните. Приеду.

– Так ведь все не так!

Он беспомощно развел руками и начал вставать из-за стола.

– Деду привет. Куда он подевался-то?

– Спит. Перенервничал.

– Ну, и пусть отдохнет. Спасибо за чай.

Степаныч стремительно вышел, оседлал мотоцикл и выехал из деревни. Старухины блины еще долго стояли тяжелым комом поперек горла.

– Машенька, зайди ко мне, пожалуйста!

Ласковый тон директора эфира не оставлял сомнений: снова кто-то из ведущих пропал. Слег, заболел, охрип. Весна, впрочем, как и осень, настойчиво изымала из студии лучшие голоса. Коллеги начинали покашливать, сипеть и временно теряли трудоспособность. Как бы ни недолюбливала Молчанова новостной эфир, а придется на этот раз, видимо, и ей выйти в смену.

– Это срочно?

Она еще колебалась, соглашаться или нет. Наверняка речь пойдет о позднем вечере. А она так хотела сама заехать за Дашей в школу, доставить ее домой – надежнее, да и ребенку не трястись на автобусах с пересадками, – позаниматься с дочерью английским – до конца учебного года осталась всего неделя, на носу итоговый тест.

– Очень!

– Хорошо, я иду.

Она поднялась на второй этаж, открыла дверь в крошечный кабинет. Сергей, приветливо улыбаясь, поднялся ей навстречу.

– Рад тебя видеть!

– Взаимно! И кого мы на этот раз недосчитались?

– Все-то ты знаешь, – он рассмеялся и, вздохнув, признался: – Сашка заболел.

– Вот так всегда. – Маша, изображая упрек, покачала головой: – Ты меня вызываешь, только когда беда.

– Не вызываю, а приглашаю.

Маша заметила, как кончики ушей у Сергея от смущения покраснели.

– Мог бы и другой повод найти.

– Не даешь, – начальник развел руками, – сам иногда страдаю. Думаю, давно не видел Молчанову, надо бы встретиться, поговорить. А о чем? Эфиры ты не срываешь, ляпов не допускаешь, безобидных оговорок и то не дожدهшься. Машенька, ты идеал нашего кошмара!

– Сережа, – она рассмеялась, – умеешь ты из людей веревки вить. Давай, говори, что надо делать.

– На сегодня назначено интервью с президентом банка, а Сашка хрипит.

– Ты же знаешь, я не по финансовой части. – Про себя Маша успела порадоваться тому, что никто не собирается давать ей новостной эфир.

– И не надо! Это запись воскресной программы. О жизни, о детях – сама все знаешь.

– Во сколько?

– Через тридцать минут.

Молчанова присвистнула.

– Не успею же подготовиться!

– Сашка материал собрал, вопросы написал, все у тебя в почте! Почитаешь, пока гость едет в студию.

– Ну, вот что с тобой делать!..

– Что хочешь, только соглашайся!

– А у меня есть выбор? – Она притворно тяжело вздохнула.

– Вообще-то нет. – Сергей, ошарашенный, схватил ее за руку. – Спасибо!

Молчанова рассмеялась, осторожно отобрала у начальника свою ладошку и вышла за дверь.

Сашка, энциклопедически начитанный человек (и невозможный болтун), сделал работу на совесть – наверняка и сам был не рад, что свалился с простудой. Краткое досье, подробная биография, двадцать хороших вопросов, выстроенных в единую логическую цепочку, которые обязаны оформить в стройный рассказ даже самую несвязную речь собеседника. Стоило Маше погрузиться в чтение, как сердце ее взволнованно забилось.

«Роман Авдеев, отец 23 детей, в том числе 19 приемных, владелец банка...» Все остальное было уже неважно. 19 приемных детей! Как же так вышло, что раньше она не слышала об этом удивительном человеке? Если бы знала, сама бы побежала к Сергею и умоляла дать ей это интервью. Она жадно, целыми абзацами, глотала текст, выхватывая то, что касалось детей. Нет, не «взял под опеку», не «оформил патронат». Именно «усыновил»: дал собственную фамилию, дом и семью.

Молчанова, давно привыкшая к встречам с людьми разного толка и статуса, неожиданно испугалась. Все в самой себе казалось ей неуместным: удобные старые джинсы, лохматая голова, не покрытые лаком ногти. До слез было обидно, что не знала об интервью заранее и не оделась как подобает. В деловом костюме чувствовала бы себя намного увереннее. А эта легкомысленная блузка, да еще с глубоким вырезом... Выдернув из сумки косметичку, Маша, разволновавшись как школьница, побежала в туалетную комнату. Руки работали над лицом сами собой, на годах отработанном автоматизме, а мысли металась между вопросами. Спасибо Сашке за труд, но список его долой! Шанс получить ответы из первых уст выпадает человеку раз в жизни. И пусть только кто-нибудь упрекнет ее потом в том, что она отступила от темы. Сами же напросились! Заранее надо предупреждать.

Мобильный телефон в сумке надрывался изо всех сил и, видимо, уже давно. Маша взглянула на дисплей – звонила Лидочка, редактор программы. Неужели гость уже прибыл?!

– Роман Иванович приехал, – бодрым голоском доложила Лида, – вы скоро придете?

– Через две минуты. Предложите чай, кофе.

– Уже все сделали. Только вас ждем.

«Десять, девять, восемь», – Маша стояла перед дверью в студию, ощущая себя ракетой перед стартом. Давно позабытое волнение дребезжало внутри как натянутая струна. Она сделала глубокий вдох, задержала дыхание, резко выдохнула и легкой походкой вошла.

– Добрый вечер, Роман Иванович!

Темноволосый мужчина, на вид примерно лет сорока, взглянул на будущую собеседницу из-под густых бровей и галантно поднялся с места.

– Здравствуйте, Маша! Ничего, что без отчества?

Она с улыбкой кивнула.

– И вы обращайтесь ко мне по имени. Так будет проще.

– Спасибо, – поблагодарила Маша.

Во всем его облике – аккуратной фигуре, лунных бровях, умном взгляде – было что-то восточное. Молчанова протянула для пожатия руку. Крепкая, приятная на ощупь ладонь Авдеева ответила на рукопожатие, едва уловимо сжав руку Маши. Маша кивнула на его приглашающий жест, в очередной раз отметив про себя способность больших людей в любых обстоятельствах моментально становиться хозяевами положения, и послушно села. Роман Иванович опустил следом.

– Ну что же, начнем? – весело спросила она.

– Как скажете.

– Вот ваш микрофон. Наушники. Когда будете готовы, нажмите красную кнопку.

Она перемигнулась с ребятами за стеклом. Все было готово. Маша широко улыбнулась, лицо ее за доли секунды преобразилось – волнение и тревога исчезли без следа. Никаких посторонних мыслей, сомнений, только страстный интерес к собеседнику: во всей Вселенной сейчас существовал только один человек, и он сидел перед ней.

– Поехали?

– Да.

Подводка к программе. Короткое представление гостя и, наконец, старт. Маша не думала о записи, не помнила об эфире, она мечтала только об одном: добраться до сути, примеряя факты и ощущения на себя. Она наконец должна была понять, как ей дальше жить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mashkova_diana/esli-b-ne-bylo-tebya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)